

**ИНКЛЮЗИВНАЯ
КУЛЬТУРА ГОРОЖАН:
ПОЛЕВЫЕ ДАННЫЕ
(НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ)**

Москва
2019

Авторы:

В. Ярская-Смирнова (Введение, Раздел 1, 2.2, 2.3, 2.4, 2.5, Заключение), Е. Ярская-Смирнова (1.5, 2.1), Д. Зайцев, А. Ручин (Раздел 1, 2.2, Заключение), Н. Божок, С. Гришкова, Н. Корогодова (1.4, 1.5, приложение), А.Горяйнова (2.1), Кононенко Р.В. (2.6).

Научный редактор В. Ярская-Смирнова

И 69 Инклюзивная культура горожан (Нижнее Поволжье):

Кол. монография / ред. В. Ярская-Смирнова и Д. Зайцев. М.: «Вариант», 2019. 276 с.: илл.

ISBN 978-5-00080-119-2

Авторы демонстрируют представление об инклюзивной культуре как принципе осуществления повседневности, социальной политики, культурной и образовательной деятельности, а также актов общения горожан, их отношения к маломобильным группам. В книге обосновывается необходимость инклюзивной культуры представителей профессионалов различных направлений. Представлен обзор исследования методами анкетного опроса и интервью по проекту РФФИ «Инклюзивная культура социального времени: современный урбанистический контекст (регион Нижнего Поволжья)». С опорой на социальную теорию и эмпирические данные авторы представили инклюзивную культуру как стратегию государственных и общественных организаций, социальной политики, характеристику социальных и гуманитарных ведомств и их специалистов, а также самих российских граждан. Анализируется удовлетворённость граждан социальным временем, раскрывающем значимые исторические и повседневные события. В контексте профессиональной культуры, инклюзии по материалам интервью рассматривается отношение к мигрантам. Авторы привлекают социологическое исследование отношения горожан к инвалидам и другим маломобильным группам, приводятся данные исследования в городском сегменте Астрахани, Волгограда и Саратова.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Инвалидность как социальное неравенство	5
Раздел I. Инклюзивная культура гуманитариев: города Нижнего Поволжья	10
1.1 Постановка проблемы – пилотный замер	10
1.2 Понятие инклюзивной дружественности	14
1.3 Профессионалы социально-гуманитарного направления	22
1.4 Отношение к особенным когортам горожан как фактор доступной среды	70
1.5 Мигранты в городе: на пороге инклюзии	102
Раздел II. Инклюзивный урбанизм	119
2.1 Школьная инклюзия: организационная культура в контексте общественного мнения	120
2.2 Социально-урбанистский дискурс темпоральности: опрос городской инженерии	158
2.3 Маломобильные группы – иллюзия или реальность дружественности?	197
2.4 Инклюзивная семантика смысла жизни	217
2.5 Темпоральное неравенство детства в дискурсе инклюзивной культуры	254
2.6 Инклюзивный потенциал фольклора	275
Заключение	290
Приложение	296
Список использованных источников	328

ВВЕДЕНИЕ

ИНВАЛИДНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Инвалидность – достаточно сложная и многослойная категория, которая долгое время рассматривалась как девиация. Проблемы когорты с инвалидностью мало волновали простых граждан и государство, при том, что её семантика влияет на конструирование социального доверия и сплочённости. Сегодня в официальном дискурсе всё чаще провозглашается принцип доступной среды, согласно которой инвалиды должны иметь доступ ко всем благам наравне с другими. При этом существует дифференцированное отношение представителей разных профессий к различным группам инвалидности, например, к ментальным инвалидам социум относится иначе, чем к инвалидам, у которых нет проблем психического развития. Ответы на вопрос об инклюзивном образовании демонстрируют неготовность значительной части современного общества принимать инвалидов как полноценных членов социума.

Категория инвалидности уже не может оставаться в рамках медиализации, так как происходит из социального конструирования и социальной стратификации. Антиподом социального неравенства и стратегией интеграции депривированных групп выступает социальная инклюзия. В этом контексте важно обращение к перманентной в истории человечества и обусловленной высокой социетальной значимостью ка-

тегории инклюзии именно как антиподу неравенства. Эволюция семантики инвалидности заметна в истории культуры как очевидного ущемления права на равенство в обществе: от терминов *убогости*, *калеки* к заимствованной западной категории *инвалидности*, затем терминологии ОВЗ – *ограниченных возможностей здоровья* и *дополнительных потребностей*, наконец – *особенности* развития и *особенные* люди. Однако, несмотря на новизну терминологии, *особенные* люди по-прежнему оказываются депривированными в разорванном социальном времени. Это уязвимые группы – лица с ограниченными возможностями, причём характеристика подходит не только собственно к инвалидам: дети-сироты, неблагополучные семьи, мигранты, люди, страдающие различными синдромами (в том числе, полученными в горячих точках), алкоголизмом или без определённого места жительства.

Не всегда неравенства сопровождаются негативной коннотацией, ведь они означают и обычное разнообразие. Но при ущемлении прав человека возникает неравенство как болезненное следствие невозможности реализации права, проявляется негативный дискурс неравенства. Ситуация не только не способствует инклюзии, солидарности и сплочению отдельных групп и индивидов – наоборот, усиливает социальное расслоение, воспроизводство социальной несправедливости, интенсифицирует агрессивное отношение социальной среды. Уже в первой половине XX столетия становится понятной необходимость преодоления острых углов неравенства, а в XXI веке заговорили вслух и о потребности в соци-

альной инклюзии.

Инклюзивное отношение к маломобильным группам всё чаще становится предметом комплексных исследований [Пипия 2017; Рябинченко, Лебедева 2014]. В настоящем обзоре речь идет о применении концепта «инклюзивная культура». В качестве принципа социальной политики в отечественной научной литературе и официальной практике социальных служб инклюзия известна сравнительно недавно [Ярская 2012], а в проблематике отечественного образования эта проблема обсуждается уже десятилетие как дискурс гражданственности, самосознания нации, цивилизованности государства [Романов, Ярская-Смирнова 2008: 335].

Понятие инклюзии по содержанию означает демократический курс на включение индивида или группы в более широкую идентичность и сообщество, с целью приобщения к определённому социальному действию или культурному процессу. Это понимается, например, и как включение лиц с ограниченными возможностями здоровья, *особенных людей* в общий поток образовательного и трудового процесса, хотя может означать также помощь в преодолении городских барьеров, ограничения мобильности, географических неудобств и экономических различий. В широком смысле сюда можно отнести подключение к законодательной деятельности любых меньшинств, преодоление дискриминации по полу, возрасту, здоровью и другим признакам.

Наша цель – показать ключевую роль инклюзивной культуры времени городского сообщества не только в формировании толерантного, дружеского отношения профессионалов к маломобильным группам в контек-

сте повышения степени социальной сплочённости. Важной задачей является демонстрация вектора построения социальной политики и социальной работы с городскими когортами с учетом принципов инклюзивной культуры, понимания дифференциации социального времени, неравенства и уязвимости отдельных групп, необходимости их социальной интеграции. Поэтому логична ориентация на создание методологических основ модели инклюзивной культуры города, социальной сплочённости в темпоральном контексте, независимо от географической удалённости, удалённости в сети или повседневном социуме, но в зависимости от качества жизни индивида или группы.

Уже в XIX в. урбанистика применила социально-антропологические понятия, темпоральности и полевые методы к городским проблемам, управлению, проектированию, археологии, времени. Сегодня анализ параметров социальной инклюзии провинциального российского города имеет целью заложить основы её модели. Раскрытие понятия дистанциации позволяет концептуализировать феномен институциональных порядков в темпоральном аспекте: социальная система растягивается во времени, связывая удалённых участников интеракции. В этом случае становится возможным подойти к решению урбанистических целей: выявление показателей социальной инклюзии, её индикаторов в контексте повышения степени социальной сплочённости.

Важной задачей исследования выступает вскрытие возможностей координации городских темпоральностей в социальной интеграции молодого поколения с

акцентом на инженерной когорте, а также анализ социальных эффектов городского инжиниринга, его предназначения и миссии в логике инклюзивного дизайна, смягчения дискриминации, формирования новых темпоральных коммуникаций. Предполагается, что наличие представителей уязвимых групп среди близких формирует инклюзию, хотя прямой связи между ними в опрошенной выборке нет. При этом найдена зависимость между инклюзией и оценкой социального времени. Наименее дружественное отношение зафиксировано к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентации, принципиальных различий между профессиональными группами нет. Различия в таблицах сопряженности не оказывают принципиального значения на характер распределения ответов.

Образовательная инклюзия детей с особенностями развития – процесс, в который сегодня вовлечены все высокоразвитые страны мира, и Россия в нем – не исключение. Конвенция ООН о правах инвалидов, подписанная Россией в 2008 году и ратифицированная в 2012, стала решающим шагом в курсе на инклюзию. В том же году был принят Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», утвердивший право любого гражданина на доступное образование, причем в школах должны быть созданы специальные образовательные условия, необходимые для обучения детей с особыми образовательными потребностями.

Переход к инклюзии в образовательной политике в России происходит постепенно, по мере официального принятия различных законодательных актов. Данный поворот приводит к изменению устоявшейся образовательной политики, не ставившей задачей

включение детей с особенностями развития в общеобразовательные учреждения. По данным Минобрнауки, в 2018 году для детей-инвалидов приспособлена лишь одна из десяти школ, а к 2025 году планируется довести этот показатель до 25–30% [Стратегия РФ]. Вопрос об инклюзивном образовании детей с особенностями ментального развития – ещё острее.

Исходя из концепции социального конструирования инвалидности, мы обратимся к нашим эмпирическим замерам отношения к инвалидам. Кроме того, представим краткий теоретический экскурс в историю разработки понятия инклюзивная организационная культура, обратимся к проблематике измерения и оценивания организационной культуры в аспекте инклюзии. На материалах интервью с педагогами инклюзивных школ и родителями учащихся с инвалидностью рассмотрим основные характеристики инклюзивной организационной культуры образовательных учреждений.

Каждый раздел монографии посвящён определённому этапу социологического марафона, сопровождается авторской методологией, теоретическими и практическими выводами. На протяжении аналитического пространства книги увидим представленность инклюзивной культуры, отношения представителей городских профессиональных групп к уязвимым группам, инвалидам, инвалидности, развитию инклюзии, справедливости, равенства права.

РАЗДЕЛ I

ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА ГУМАНИТАРИЕВ: ГОРОДА НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

1.1 Постановка проблемы – пилотный замер

Коллективом авторов проведён пилотный опрос весной 2018 г. по реализации инклюзии с использованием электронной анкеты. В опросе приняли участие 85 человек в возрасте от 19 до 72 лет, моложе 30 лет 37 чел. (44%), в возрасте 30–50 лет включительно – 38 чел. (45%), старше 50 лет – 9 чел. (10,7%). Основная часть – жители Саратова – 72 чел. (85%), остальные из Энгельса, Камышина, Солнечногорска. Доля респондентов с высшим образованием составила 78,8%, с ученой степенью или несколькими высшими образованиями – 7%, со средним профессиональным образованием – 9,4%, общим – 2,4%. Преобладающий профиль образования респондентов – социально-гуманитарный (65%). С инженерным образованием в опросе приняли участие 8% респондентов, техническим образованием – 5%, образованием в области информационных технологий – 6%, естественнонаучным и экономическим образованием – по 2,4%, творческие профессии – 3,5. Участники групп в социальных сетях – 25%.

Первый блок опроса – «Инклюзия». Респондентам предлагалось оценить, насколько удобно пользоваться-

ся городской инфраструктурой четырьмя социальными группами: инвалидам-колясочникам, слабовидящим и слабослышащим людям, родителям с колясками и маленькими детьми, пожилым людям. Оценки удобства инфраструктуры для инвалидов-колясочников имеют существенные различия в разрезе элементов инфраструктуры: удобство общественного транспорта отметили 4,7%, в то время как удобство посещения лечебных учреждений – 43,5%, перемещения по улицам – 8%, посещения учреждений досуга – 15%, образовательных учреждений – 23,5%, магазинов – 26% (Прил. 1). Удобству элементов городской инфраструктуры для слабовидящих и слабослышащих людей респонденты дали сравнительно одинаковые оценки – приспособленность улиц, общественного транспорта, магазинов, лечебных учреждений, административных зданий, учреждений досуга, образовательных учреждений на уровне 15% – 19%, исключение – приспособленность лечебных учреждений для слабовидящих и слабослышащих, оценено на уровне 27%.

Для родителей с колясками наименее комфортными обозначены общественный транспорт (20%) и административные здания (28,5%), удобству остальных элементов городского пространства дали положительную оценку более 40% (Прил. 1.1). Удобство улиц для пожилых отметили 43,5%, общественного транспорта – 60%, магазинов 82%, лечебных учреждений 67%, учреждений досуга – 52%, образовательных учреждений – 48% (Прил. 1.2). Обобщая данные с использованием средних значений, можно сказать, что наиболее приспособленным элементом

городского пространства являются лечебные учреждения 48,8%, а наименее приспособленный элемент – городской транспорт – 25,9%. Наиболее актуальной проблемой является удобство городского транспорта, а наименее – удобство административных зданий. Среди необходимых мероприятий по улучшению городской среды респонденты расставляют приоритеты. Во-первых, сделать тротуары ровнее (82,4%), во-вторых, увеличить число общественных транспортных средств для маломобильных граждан (81%), в-третьих, оборудовать жилые дома и дворы (79%), в-четвертых, пешеходные переходы – пандусами и звуковыми светофорами (76,5%), в-пятых, оборудовать общественные учреждения пандусами и лифтами (75%). Ничего не нужно делать – 1% респондентов (Прил. 1.3).

Для оценки параметров инклюзивной культуры респондентам предлагалось выразить уровень своего согласия 13 утверждениями. Наибольшая солидарность обозначена респондентами с утверждением, что люди с инвалидностью имеют право обучаться в высших учебных заведениях. Полностью согласны с этим принципом 76,5% респондентов, в учреждениях среднего профессионального образования – 68% респондентов. В роли субъекта, который в большей степени должен быть включен в организацию доступной среды для маломобильных граждан, респонденты назвали государство (78,8%). Более 2/3 (64,7%) респондентов считают – задача местных властей. На бизнес-структуры возлагают задачи финансирования проектов по созданию доступной среды 43,5% (Прил. 1.4). Тезис о том, что создавать доступную среду в городе необходимо на средства благотворительных

фондов, поддерживают 20%. Мнение, что проблемы людей с инвалидностью должны решать общественные организации и жители городов, разделяют 17,7%. Небольшая доля респондентов считает, что люди с инвалидностью должны заботиться о себе сами (8%).

Во втором блоке «Солидарность» респондентам предлагалось обозначить степень своего согласия с семью утверждениями о положении инвалидов в обществе. Наибольшую солидарность респонденты продемонстрировали в согласии с принципом, что люди с инвалидностью имеют право использовать возможности, которыми беспрепятственно могут пользоваться здоровые люди (Прил. 1.5). Полностью согласны, с данным принципом – 79%. В обществе единое мнение, что люди с инвалидностью могут стать полноценными членами общества, поэтому нужно создавать для них специальные условия – 67%. Спорными обозначены три тезиса. Первый – решением проблем людей с инвалидностью должны заниматься некоммерческие общественные организации – затруднились в оценке 36,5%. Второй – мигранты имеют право использовать возможности, которыми пользуется местное население – затруднились ответить 32%. Третий – люди с инвалидностью должны объединяться в решении собственных проблем – затруднились ответить 27%.

Более половины респондентов (52,9%) оказывали помощь людям с инвалидностью в форме пожертвования средств и вещей. Неоднократно добровольно присоединялись к акциям помощи или заботы о пожилых, инвалидах, мигрантах 17,7%. Участвовали в организованных по месту работы (учебы) акциях по-

мощи по настоянию руководства 15,3%. Размещали материалы о проблемах людей с инвалидностью в социальных сетях 14%. Самостоятельно организовывали акции помощи 11,8%. Главным условием улучшения качества жизни людей, чьи возможности на достойную жизнь ограничены, является совместные действия государства, бизнеса и общества в решении социальных проблем – отметили 74%. Второе по значимости условие – если, государство заинтересуется проблемами незащищенных граждан и будет целенаправленно и планомерно направлять ресурсы на их решение (60%). Третье условие – если, незащищенные и/или маломобильные граждане перестанут лениться и начнут заботиться о себе сами (23,5%). Около 15% респондентов считают, что в нашем обществе невозможно создать условия для достойной жизни этих людей, потому что это никому не интересно. Более половины респондентов (58,8%) считают, что личное участие способствует решению социальных проблем (Прил. 1.6).

В третьем блоке «Доверие» респондентам предлагалось оценить эффективность социальных программ и готовность в них участвовать, а, по сути, косвенно показать степень своего доверия к различным уровням власти и элементам гражданского общества. Наиболее эффективными признаны государственные программы и действия – доверие к ним отметили 65,9%. На втором месте – программы, организованные с участием центральных или местных СМИ (50,6%). На третьем – программы, организованные местными властями (48%). На четвертом – программы, организованные известными людьми (42,4%). На пятом – программы, организованные из-

вестными крупными бизнес-структурами (39%). На шестом – программы, организованные некоммерческими организациями (33%). То, что никакие действия не вызовут эффекта, потому что все социальные программы нужны для отмывания денег, считает 14%. Мнения о том, что социальные программы неэффективны, потому что социально незащищенные люди сами виноваты в своем положении и не хотят предпринимать усилия для улучшения жизни, придерживается 6% (Прил. 1.7).

Более половины респондентов (62%) оценили текущее время как *«радостное, успешное, весёлое, солнечное»*. Угрюмым, злым, хмурым, тяжёлым охарактеризовали 16,5%, а безразличным, равнодушным, тупым и циничным 18%.

Как видим, если современное общество стремится к развитию и успешности, то социальная инклюзия проявляется в нём как путь к единству страт и классов, путь к преодолению различных форм неравенства. В итоге социальная инклюзия маломобильных и уязвимых групп населения выступает актуальной проблемой любого сообщества, так как смягчает или вовсе убирает дискриминацию. Одновременно именно инклюзия обеспечивает воспроизводство инклюзивной, профессиональной и организационной культуры и, в конечном счёте, социальный прогресс.

1.2. Понятие инклюзивной дружественности

Помимо объективного разнопланового и многовекторного неравенства существует также неравенство субъективных взаимоотношений в любом сообще-

стве, так или иначе способствующее комфорту или, напротив усложняющее наполнение и протекание социального времени различных социальных когорт. Сегодня становится актуальным, например, выяснение отношения дружелюбности сообщества к отдельным возрастным когортам. Основой этих процессов выступает память как продукт индивидуальной и коллективной символической деятельности, использующей дистанциацию и инверсию времени в рефлексии прошлого и настоящего. Авторы рассматривают проблему неравенства в пересечении современных дискурсов доступности городской среды и мобильности, социального конструирования времени, социальной инклюзии и социальной стратификации.

Современное понимание научного темпорализма, семантическое содержание категории социального времени обусловлено ускорением социальных процессов, а поколение, память, возраст и биография становятся здесь центральными категориями. Социальная жизнь пронизана неравенством разного вида и типов, которые несет в себе социальное время, многочисленны варианты этого социального и культурного явления, неравенство особых групп и страт, неравенство поколений. Не только укороченное время детства бедных и семей в социально опасной ситуации (а не социально опасных семей, как иной раз произносят чиновники), но и сжатая темпоральность особенных детей и социальных сирот к началу самостоятельной жизни оказываются негативным социальным багажом.

В дело вмешивается и городская среда, которая доступна далеко не всем городским и возрастным когортам, замедляя мобильность и укорачивая время.

Кроме инвалидов и подростков без попечения родителей, это ещё и семьи с низкими доходами и малые народы, попавшие в пограничную ситуацию. Инклюзивная культура социального субъекта выступает инструментом стратегии интеграции и формирования дружественного отношения к маломобильным и уязвимым социальным группам в условиях городской жизни.

В силу социокультурных, экономических и социальных причин уязвимые группы исключены из общественных отношений. Позволяет ли такая ситуация способствовать субъектным усилиям в формировании дружественности и социальной инклюзии, сплочению отдельных групп и индивидов? Или, напротив, усиливает социальное расслоение, воспроизводство форм социальной и личностной несправедливости, интенсифицируя маргинализацию и негативное отношение социальной среды. Добавим здесь, подобные процессы детерминированы, в том числе, и несовершенством отечественного социального законодательства.

Надындивидуальные общечеловеческие правила поведения и матрицы культуры становятся регулятором социализации личности и экзистенциальным каналом трансляции современной культурной парадигмы, переопределения ситуации. Время совершает инверсию, конструируя прошлое, оживляя память как причинную силу, вовлекающую социальные факты в настоящее для появления будущего, создаёт условия социального изменения. Социальное время наполнено разнообразными смыслами и является разным для различных культур, единицы времени фиксируются

ритмом индивидуальной экзистенции, коллективной жизни, культуры.

Различные формы неравенства соответствуют и различным формам времени, образуя *темпоральное неравенство*. Различия временной ориентации, образов времени, толкования анахроничности и современности между группами российского общества затрудняют преодоление аномии, бедности, формирование ценностей и социальных норм [Нестик 2003]. Обыденное время благодаря ньютонианскому концепту в классической научной картине мира конструировало линейность, детерминизм, прозрачность, монокультуру и монологическое описание.

Западные лидеры, начиная с Ф. Д. Рузвельта, стали позиционировать необходимость социальной политики, а затем и социальной инклюзии для смягчения неравенства. Таков габитус инклюзии на практике. Но реконструкция памяти в инверсии времени экзистенциально модифицируется как взаимопроникновение модусов прошлого, будущего и настоящего, причём индивидуальные воспоминания формируют темпоральность настоящего в биографической нише. Картины прошлого волнуют, время переносится, дистанцируется.

Младшая возрастная группа – дети – не защищены от бедности, инвалидности и болезней, неудобств городской жизни и слабой мобильности. Можно заметить неравенство между семьями и даже внутри семьи, неравенство между детьми, живущими в семье, и сиротами. В последние полтора века резко изменились содержательные характеристики взросления, а сами этапы жизненного пути, детства, юности, старости подверглись серьезной модификации.

Нет возможности воспитания стремления к социальной сплочённости [Ярская, Зайцев, Ярская-Смирнова, Печёнкин и др. 2017], в городских окраинах и новостройках опять формируются молодёжные *бригады* – в частности, при компактном расселении сирот в одном доме. Поэтому самые различные обстоятельства могут влиять на дружелюбность отношения к молодёжи и подросткам.

Можно констатировать затянувшуюся нерешённость проблем социальной адаптации сирот и инвалидов с целью их социальной интеграции в здоровом жизненном пространстве города, хотя и предпринимаются попытки сделать шаг вперёд [Постановление Правительства 2017]. Практики социальной политики идут порой не в направлении инклюзии, интеграции в образовании и трудоустройстве. В рамках категории нуждающихся в помощи молодых людей и подростков идентифицируются не только инвалиды, но и сироты, дети мигрантов и этнических меньшинств. Проблема депривации городских детей и подростков в 90-е занимались итальянские учёные, обозначившие детство в городском сжатом пространстве и времени [Ray Lorenzo 1992]. Исследователи показали, как худшая комбинация экономической бедности и других форм лишения ущемляет подростков в центрах и новых гетто в городских предместьях.

Сжатая темпоральность особенных детей и социальных сирот к началу самостоятельной жизни оказываются негативным социальным багажом, далеко не всегда сопутствующим дружелюбному отношению. В дело вмешивается еще и городская среда, ко-

торая доступна далеко не всем городским и возрастным когортам, замедляя их мобильность и укорачивая социальное время. Выпускники спецшкол, интернатных учреждений, инвалиды, сироты не попадают в рекрутинг молодёжных акций, характеризуются несформированной идентичностью, незаконченной социализацией, подтверждая маргинальность статуса. Кроме инвалидов и подростков без попечения родителей, это ещё и семьи с низкими доходами и так называемые малые народы, попавшие в пограничную ситуацию, терпящие бедствие юноши с ограниченными возможностями и сироты. К тому же известно, что большинство выпускников сиротских учреждений пополняли контингент пенитенциариев.

Дети в городе, это не только дети горожан, подростки, школьники обычных школ, это как раз дети из городских интернатов и детских домов, сироты. Опасность времени спецшколы, интерната в том, что приводит к жизненному неуспеху, подчёркивая отличие от благополучных сверстников. Проблемная когорта переходит к времени взрослой жизни, когда сталкиваются факторы социальной интеграции и сегрегации. Подросток-инвалид априори инфантилен, усиливает маргинализованную идентичность, изоляция времени этих когорт проходит путем лишения молодых людей доступного оборудования, услуг и уважения. Для повышения качества жизни в фокусе перемен должна оказаться интеграция времени проблемных когорт, испытывающих эффект социально-экономической и психологической депривации.

В официальном дискурсе провозглашается принцип доступной среды, инвалиды должны иметь доступ к благам наравне с другими. Дифференцировано отно-

шение профессионалов: ответы на вопрос об инклюзивном образовании показали неготовность общества принимать инвалидов как полноценных членов социума. Формирование дружественного отношения к детям-инвалидам связано с видом заболевания, родители детей-инвалидов испытывают сложности с физическим перемещением в жилище и за его пределами, социальным сопровождением и уходом за ребенком. Пилотный опрос жителей раскрыл вопрос удовлетворённости граждан социальным временем, большинство воспринимают социальное время позитивно.

Пока же на наших глазах в России продолжается процесс *социального исключения* людей, чья позиция не может быть охарактеризована лишь как классовая, но отличается маргинальностью, периферийностью по отношению к социальной структуре общества в целом. Их положение характеризует, с одной стороны, особое место в системе производства и распределения материальных благ, а с другой, низкий социальный статус, непрестижность и специфический стиль жизни, в итоге чувство превосходства перед человеком ограниченных возможностей, нетипичным, выступает как определенная форма расизма, академической отсталости, нравственной запущенности.

Социальная инклюзия [Ярская 2008; Ярская, Зайцев, Ярская-Смирнова, Божок и др. 2017: 364; Ярская, Ярская-Смирнова 2017] по содержанию означает демократическую акцию включения индивида или группы в темпоральности образовательного и трудового процесса, преодоление географических неудобств, субкультурных различий и сегрегации с целью приобщения к определенному социальному дей-

ствию или культурному процессу. В широком семантическом смысле – это то, чего в нашей действительности не наблюдается – рекрутинг молодёжных субкультур, особенных людей с отклонениями в развитии и социальных сирот в различные программы, спорт, туризм, образовательную и досуговую среду. Хотя социальное государство как система институтов, идеологий и практик *неравенства не устраняет* [Ярская-Смирнова 2013]. Дискурс сплочённости, концентрации внимания на темпоральности социально-уязвимых и маломобильных групп населения может стать позитивной инновацией в стратегиях социальной урбанизации, современной социальной политики, молодёжной политики, политики детства. Это противоположность исключения, неравенства и насилия в пространствах образования и воспитания, занятости и трудоустройства, региональном дисбалансе, в колониях и тюрьмах, школе, семье.

Есть институциональная проблема: в российских реалиях существуют ведомственные барьеры, зачастую разрушающие усилия отдельных ведомств. Так происходит, например, в случае слабого (если не полного отсутствия) взаимодействия институтов образования, молодёжной политики и занятости. Разумеется, изучение инвалидности в структуре молодых и юных когорт не должно закрывать от нас и положение старшей по возрасту уязвимой группы [Григорьева, Видясова, Дмитриева, Сергеева 2015]. Фактор городского благополучия позволяет испытывающим самые различные формы неравенства групп пожилых, молодёжи планировать время с учётом городской инфраструктуры и возможностей самореализации. В этом проявляется относительность отнюдь не релятивист-

ского, но жизненного и переживаемого времени. Возможность инклюзии в городской социум является фундаментальным правом гражданина, инклюзивная культура включает предпосылку гражданства. Социальная инклюзия особенных детей и подростков остаётся остройшей глобальной проблемой нашего общества, недоработанным аспектом реформы образования, созвучной концепции нормализации и устранения социального исключения.

В технократических традициях внутренней политики система получения образования уязвимыми группами, инвалидами развивается преимущественно за счет частных инициатив, энтузиазма руководителей учебных, профессиональных, социальных учреждений и организаций. Осуществляемая государственная социальная политика, за исключением некоторых шагов региональных социальных ведомств и служб, де-факто ориентирована на сегрегацию и изоляцию этих групп людей в специальных (коррекционных) учреждениях, трудоустройстве на специальных производствах. Равные возможности образования не исключают, а, наоборот, предполагают создание специальной образовательной среды для таких людей: персональный наставник-помощник, специальные лифты и транспортеры, специализированные клавиатуры для людей с нарушениями зрения или ограниченными возможностями физического здоровья.

Вместе с тем большинство вузов и колледжей не готово к встрече с абитуриентами-инвалидами: нет специальных программ, рассчитанных на такое обучение. Пока образованный молодой инвалид, в со-

вершенстве владеющий компьютером, востребован, только если его интеллектуальные возможности выше, чем у здорового человека. Если же дети-инвалиды будут учиться в общеобразовательных школах, а молодые инвалиды – в вузах, можно сказать, что в России появляются элементы гражданского общества.

Для успешного развития общества оно должно быть сплочённым, не только в смысле единства страт и классов, но и преодоления различных форм неравенства. Маломобильные социальные группы, включая инвалидов и пожилую когорту, не должны испытывать унижения из-за нерешённости вопросов доступности городской и образовательной среды. Дополнительное образование становится жизненно важным условием достойного существования молодых инвалидов. Это гуманитарно-гражданские дисциплины, менеджмент, в том числе социальный менеджмент, социально-психологические тренинги, информационно-компьютерные циклы, навыки социального проектирования, занятия искусством.

Так как система профессионального образования, которая исчерпывается лишь передачей знаний, информацией, в новых социальных экономических условиях является неэффективной, то актуальным в направлении образования молодых инвалидов становится поиск эффективных, комплексных, адаптирующих мероприятий, интерактивных образовательных технологий, направленных на социальную интеграцию. В результате дополнительное образование по различным предметам становится частью комплексной концепции обучения, что важно и для социальной адаптации обучающихся инвалидов, расширения возможности трудоустройства. Можно и нужно ожидать от соответствующей

ющих ведомств и структур поддержки частного предпринимательства среди инвалидов, корректирования законодательных актов, регулирующих образование, занятость, трудоустройство и молодежную политику в отношении людей с особыми потребностями. Инновационные передовые кафедры социальных направлений могут это решать.

1.3. Профессионалы социально-гуманитарного направления

Чтобы составить мнение об инклюзивной культуре горожан и самого города, нужно не только провести исследование, но и найти определение данному концепту. Инклюзивная культура [Тощенко 2017] осуществляет контроль за соблюдением прав человека в обществе, она связана с понятиями профессиональной этики и профессиональной культуры, преодолением дискриминирующего языка. В итоге социальная инклюзия – сложный путь к сплочённости разных когорт, требующий длительного периода согласованных действий социальных агентов. Во многом признание необходимости инклюзивной культуры важно для социальных, культурных, образовательных организаций [Холостова 2016; 47], в работе с особенными когортами и уязвимыми группами.

Тематика проекта предполагает развитие в аспекте обсуждения инклюзивной культуры как важнейшего атрибута социальной политики в направлении формирования социальной сплочённости. Рассмотрение соотношения понятий, возможных систем измерения предусматривает описание социальных акторов,

субъектов социальной политики, их роли в формировании инклюзивной модели [Холостова 2016: 47]. Повседневная жизнь российского городского социума изобилует острыми нерешёнными вопросами, в силу разных причин уязвимыми группами населения становятся не только инвалиды, но и сироты, пожилые, бедные, различные меньшинства, мигранты, молодежь, бывшие военные с травматическим синдромом, молодые родители с детьми. Эти группы проживают и функционируют порой в дистанции от культурных, социальных процессов и фактом своего существования доказывают необходимость институционализации инклюзии.

Признак инклюзивной культуры – умение распознать ситуацию неравенства, разные шансы, неравный доступ к ресурсам в экономическом аспекте, социальной сфере, доступности урбанистической среды. Недопустимость дискриминации – стержень инклюзивной культуры, включающей антидискриминационный подход, возможность специалистов распознавать неравенство на индивидуальном и институциональном уровне. Инклюзивная культура – одновременно и рефлексия необходимости, и реальное действие по преодолению дискриминации по полу, возрасту, здоровью. Это – условие, неотъемлемая характеристика, принцип социальной политики и практики социального государства. Положение этнических меньшинств, инвалидов, детей с замедленным развитием (которых чиновники называют умственно отсталыми), беженцев обозначается как неполноценное.

Перспективы реализации инклюзивного и антидискриминационного подхода в социальной политике зависят от качества подготовки специалистов, качества

социального образования [Ярская-Смирнова 2013]. Инклюзивная культура осуществляет контроль за соблюдением прав человека в обществе, хотя ещё и существует размытость понятий профессиональной этики, применение дискриминирующего языка. В итоге социальная инклюзия – сложный путь к сплочённости самых разных когорт, требующий длительного периода согласованных действий социальных агентов. Мы полагаем инклюзивную социальную политику инструментом культурного гражданства, смягчения неравенства, признания права на различие и дискурс доверия [Ярская-Смирнова 2017].

Социальное исключение возникает вследствие множественных нарушений подсистем общества, что обуславливает многомерность и социальной инклюзии. Среди аспектов (направлений, мер) социальной инклюзии правомерно определить политико-правовые, социально-экономические, социокультурные. Общество, способствующее активизации инклюзивных процессов (инклюзивное общество) – открытое, принимающее, предоставляет индивиду возможность включения [Астоянц, Россихина 2009]. В качестве групп, которые часто испытывают отсутствие равных возможностей, можно выделить представителей этничностей, детей, стариков, особенных людей, инвалидов. Солидарность граждан страны может характеризовать сторону социальной сплочённости, определяемой духом взаимного доверия между различными этническими меньшинствами [Ярская-Смирнова 2017: 77].

Для выявления показателей социальной инклюзии проведён пилотный опрос жителей Саратова. В опро-

се участвовали 135 человек, среди них по 45 человек – работники сферы культуры, образования, социальных служб, 73% женщин, 26,9% – мужчин. Гендерный дисбаланс объясняется особенностями сегрегации труда – неравномерным распределением мужчин и женщин в социокультурных областях деятельности. Как правило, социальная сфера, образование и культура – это области занятости, традиционно считающиеся «женскими». Образование респондентов: высшее – 58%, 15,7% – среднее специальное, 12,7% имеют учёную степень, 11,9% – незаконченное высшее, 1,5% – среднее. 34% участников опроса работают в учреждениях культуры, искусства и кинематографии; 30% – социальной защиты; 17,9% – профессионального образования; 8% – среднего общего образования. 49% относят себя к специалистам и служащим, 33% – к педагогическим работникам и ППС, 6,7% респондентов являются руководителями или заместителями руководителя, а 1,5% – представители художественной интеллигенции.

Отношение ко времени

В рамках исследования рассмотрен вопрос удовлетворённости граждан социальным временем, раскрывающим значимые для людей исторические и повседневные события, индивидуальные и групповые темпоральности и системы отсчета, альтернативные привычному, объективированному и астрономическому времени. Ареной социального конструирования темпоральности выступает сочетание intersубъективных и индивидуальных семиотических предпосылок повседневной сферы, а понимание между людьми в рамках конвенциональности становится социальным, гражд-

данственным. 39% респондентов скорее, а 28% вполне удовлетворены временем, в котором живут. Социальное время считают неудовлетворительным 22% опрошенных, а 10% совершенно им не удовлетворены (Прил. 2).

Большинство людей воспринимают социальное время, в котором живут, положительно. Если понимать социальное время как феномен, связанный со способностью личности и социальных групп транслировать их отношения, можно сделать вывод, что темпоральность, представленная скоростью, ритмом, последовательностью событий [Ярская 2017: 11], вполне устраивает представителей профессионалов сфер культуры, социальной работы, образования.

Мы стремились понять отношение наших горожан к разным группам, находящимся в уязвимом положении. Для респондентов конструировалась ситуация, согласно которой они встречают на улице представителей различных социальных групп. В результате удалось выяснить, что на улице, в транспорте, местах общественного пользования опрошенные наиболее дружелюбно настроены к детям-инвалидам (71,6%), родителям с детьми (70,9%), пожилым (68,9%), взрослым инвалидам (61%). Менее дружелюбно относятся к молодёжи (58%), людям, исповедующим различные религии (49%), представителям нетрадиционной сексуальной ориентации (20%) (Прил. 2.1).

Отношение к инвалидам

Встала задача – понять, насколько близко сегодня допускают инвалидов в свое окружение. Большин-

ство респондентов – 61,4% – подчеркнули, что в их окружении есть люди с инвалидностью, 37% с ними не сталкивались. При этом 50,8% опрошенных ответили, что в их окружении есть дети-инвалиды, тогда как 46% дали отрицательный ответ.

Многие респонденты общаются с инвалидами в повседневности, 49,6% опрошенных считают, что российское общество скорее дружелюбно неслышащим и слабослышащим людям, 18% подчеркивают скорее недружелюбный настрой, а 6% – говорят даже о наверняка недружелюбном отношении. Между тем 39,6% опрошенных подчеркивают, что российское общество скорее дружелюбно инвалидам с заболеванием опорно-двигательной системы, 23,9% подтверждают дружелюбность по отношению к данной категории инвалидов. Но 22% ответили, что скорее недружелюбны к людям с заболеванием опорно-двигательной системы.

По мнению половины опрошенных (50%), государство недостаточно заботится, чтобы инвалиды чувствовали себя комфортно. 28,4 % респондентов подчеркивают, что государственных мер сегодня недостаточно, чтобы люди с инвалидностью чувствовали себя полноценными членами общества. Только 13,4% участников анкетирования считают, что мер, предпринимаемых для создания благоприятных условий жизни инвалидов, скорее достаточно, и лишь 6% опрошенных ответили, что реализуются в полной мере.

Люди с аутизмом и синдромом Дауна

40% респондентов считают, что российское общество не принимает людей с аутизмом, относятся ско-

рее недружественно. Однако 30% опрошенных сказали, что россияне скорее дружелюбно относятся к людям, страдающим аутизмом. Близкие данные получены и по категории с синдромом Дауна: 35% опрошенных ответили, что россияне настроены к ним скорее недружественно, а 12,8% подчеркивают, что социум не проявляет дружелюбного отношения этим к людям. Между тем, 34,6% респондентов отметили, что российское население скорее дружелюбно в отношении этих людей, и 7,5% опрошенных характеризуют отношение к данной категории как полностью дружелюбное.

Формирование дружелюбного отношения к детям-инвалидам связано с видом заболевания, которым страдает ребенок. К детям с интеллектуальными и психическими нарушениями общество настроено менее дружелюбно, чем к слепым, глухонемым или детям с заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Согласно данным анкетирования, 28% опрошенных дружелюбно относятся к детям с нарушением опорно-двигательного аппарата; 25,9% – к незрячим детям; 25% – неслышащим; 14% – с синдромом Дауна, 13% – аутизмом, 11% – другими интеллектуальными нарушениями (Прил. 2.2). Почти половина респондентов (47%) видят, что государство недостаточно реализует политику инклюзии в отношении особенных детей, и дети-инвалиды исключены из социокультурного пространства города. 16% выбрали ответ, что государственных мер скорее достаточно, лишь 5% опрошенных подчеркнули, что государственной заботы, выражающейся в создании комфортных

условий для включения в социальную жизнь, вполне достаточно.

98% участников анкетирования осознают, что родители детей-инвалидов сталкиваются с материальными трудностями, нехваткой средств. 96% опрошенных думают, что родителям детей-инвалидов сложно устроиться на работу, хотя 2% респондентов считают, что таких проблем нет. По мнению 98,5% респондентов родители детей-инвалидов испытывают сложности с физическим перемещением в жилище и за его пределами. 87% опрошенных отмечают, что родители детей с инвалидностью сталкиваются с проблемой социального сопровождения и ухода за ребенком. И лишь 5% респондентов не видят проблем социального сопровождения и ухода за ребёнком-инвалидом.

Согласно полученным данным, 87% респондентов видят проблему отсутствия необходимого оборудования для инвалидов – колясок, протезов, технических устройств. 5% опрошенных считают, что таковых проблем нет. Респонденты оказывали какие-то виды помощи и услуг детям-инвалидам или их семьям. 41% опрошенных оказывали помощь напрямую ребенку или семье ребенка-инвалида, 20,4% помогали через фонды и организации милосердия, 16% – через активистов, на работе, в школе, детском саду, 11% – напрямую образовательным или медицинским учреждениям, 6% – через религиозные организации (храмы и монастыри). Опрос показал, что ответственность за оказание помощи детям-инвалидам и их семьям должна возлагаться на благотворительные фонды и общественные организации (35%), известных личностей – актеров, общественных деятелей, поли-

тиков (20%); обычных людей (18,5%), государство (12%), бизнес (6%) (Прил. 2.3).

Сегодня в социуме существуют свои особенности в восприятии разных возрастных групп. Отношение населения ко времени детства, молодости, старости различается, как правило, по причине того, что каждая возрастная группа обладает своими специфическими свойствами и сопровождается некоторыми стереотипами восприятием. По мнению 44% респондентов, общество скорее дружественно по отношению к детям, 39,6% считают, что россияне дружественны, но 11% – скорее не дружественно в отношении детей.

В целом российское общество доброжелательно к детям, семья и родительство – не только важная сфера жизни, но и объект внимания государства. Забота о детях создаёт новые дискурсы и ценностные ориентации, практики брачно-репродуктивного поведения, производства индивидуальных и коллективных идентичностей [Астоянц, Россихина 2009]. Опрос показал, что распространенной выступает категория семьи с маленькими детьми: 85% участников анкетирования отметили наличие в их окружении семей с маленькими детьми, хотя 13% подчеркнули, что среди друзей нет представителей данной группы.

Изучено и отношение общества к молодому поколению, по мнению 46,6% респондентов оно скорее дружественно молодежи, но 30,8% опрошенных ответили, что горожане скорее не дружественны молодежи. Дружественное отношение к молодежи обусловлено восприятием данной социальной группы как скрытого ресурса и объективной ценности общества, составляющей значительную часть населения

страны. Респонденты продемонстрировали свое отношение к возможностям молодого поколения в российском обществе: 35,6% скорее не согласны с выражением «Молодым везде у нас дорога», 33% – скорее согласны, 17% – абсолютно согласны, 13% – абсолютно не согласны.

Современное общество признано стареющим, доля пожилых людей увеличивается, большинство респондентов имеют среди знакомых и родственников людей старшего поколения. Данные опроса показали, что 33,8% респондентов считают российское общество скорее дружественным по отношению к пожилым, а 27% – скорее недружественным. Изменившаяся демографическая структура требует решений, позволяющих эффективно привлекать социокультурный потенциал пожилых людей и создавать инклюзивную среду.

Опрошенными оценены выражение «пожилым везде у нас почёт»: 39% скорее не согласны, 26,7% скорее согласны, 18% абсолютно не согласны, 14% абсолютно согласны. 42% респондентов ответили, что государство предпринимает скорее недостаточно усилий, чтобы пожилые чувствовали себя включёнными в социальную жизнь. 34,6% подчеркнули, что государственных мер по формированию инклюзии пожилых людей недостаточно. Лишь 16,5% респондентов считают, что этого скорее достаточно, и 6% подчеркивают, что о пожилых людях государство заботится в полной мере (Прил. 2.4).

На данный момент общество – это переплетение жизненных сценариев людей, так или иначе отличающихся друг от друга. Однако если одни группы не имеют ярко выраженных признаков инаковости, то

другие воспринимаются как чужаки, потому что имеют другой цвет кожи, другое вероисповедание. Большая часть опрошенных – 72% – сообщает, что в их окружении отсутствуют мигранты, 25% ответили положительно. 77% подчеркнули, что в их окружении нет детей-мигрантов, 18,5% дали положительный ответ. Инклюзия мигрантов в наше сообщество напрямую связана с государством, выходцем из которого является приезжий. По мнению респондентов, меньше шансов включиться в нормальное течение жизни у выходцев из Кавказа, 43,7% опрошенных подчеркнули, что по отношению к ним общество скорее не дружелюбно, 10,4% – вовсе не дружелюбно. Участники опроса отметили, что и к мигрантам из Центральной Азии чувствуется негативный настрой со стороны россиян, так ответили 36,3% респондентов, 10% обозначили отсутствие инклюзивного отношения к мигрантам из данного региона. Более лояльное отношение наблюдается к выходцам из Украины и Молдовы.

На вопрос об инклюзии мигрантов 35% отвечают, что государственных мер недостаточно для включения данной социальной группы в общественную жизнь; 29% подчеркивают, что данных мер скорее достаточно; 12% отмечают, что государственных мер точно достаточно. 10,5% ответили, что государственная политика в отношении мигрантов недостаточно инклюзивна, это подтверждено и предыдущими исследованиями [Ярская 2017]. Половина опрошенных – 50% – скорее согласны, что мигранты такие же люди, как все, их надо уважать. 33% респондентов абсолютно согласны с этим.

Однако 10% скорее не согласны, что мигранты – полноправные члены общества, требующие уважения, 3% абсолютно не согласны. Более половины респондентов скорее согласны с идеей, что дети мигрантов могут обучаться в общеобразовательных школах, обычных классах. Но 9% скорее не согласны и 2% опрошенных абсолютно не согласны с тем, чтобы дети мигрантов учились в классах с местными детьми. Тем не менее 48% скорее не согласны и 13% опрошенных абсолютно не согласны с тем, что мигранты наносят вред. Столько же скорее согласны и 13% респондентов согласны, что мигранты опасны для общества (Прил. 2.5).

Последние годы мы к сочетанию этих категорий и концептов прибегаем все чаще. Большая социокультурная значимость темы связана с тем, что государственная социальная политика, за исключением отдельных шагов социальных ведомств и служб, дефакто ориентирована на социальное время сегрегации и изоляции, коррекционные учреждения, оторванность от социальных контактов, низкий уровень образования и конкурентоспособности, невозможность выбора профессий для людей с ограниченными возможностями. Фундаментальная научная задача – осветить поле городских страт как стратегию времени социальной мобильности, альтернативную препятствиям, социокультурным барьерам национальной социальной политики, противоречивым дискурсам, дискриминации и неравенству.

Интеллектуальным фоном для изучения этих проблем выступает проблема темпоральности, в частности, в социальном урбанизме. Говоря о процессах различного уровня, масштаба, мы нередко обраща-

емя к особенностям «того времени». Артикуляция общества как полотна социальных взаимодействий трансформируется в жизненные форматы времени: мир организован неравновесно, однополярному миру противостоит многополярный, линейной стреле времени – инверсии темпоральностей, традициям расизма – инклюзивная культура. И жизнь приобретает тот или иной смысл, когда время инверсирует в прошлое, накапливает, интегрирует, закрепощает или освобождает. Метафорически говоря, смысл нашей жизни – во времени, которое мы сами наделяем жизненным смыслом, хотим видеть не враждебным, агрессивным, болезненным, но радостным, здоровым, миролюбивым. При этом время не едино и не однородно – оно наполняется личными, групповыми действиями и значениями. Полифония темпоральностей подразумевает и разнообразие жизненных смыслов, ценности как основа смысла жизни становятся медиаторами коммуникаций, интенсификации связей в обществе, время влияет на социальное взаимодействие не только как ресурс, который затрачивается, но и как смысл, культурный код жизни.

Нами осуществлялся проект РФФИ № 18-011-00562 «Инклюзивная культура социального времени: современный урбанистический контекст (регион Нижнего Поволжья)». В опросе приняло участие 417 респондентов из трёх волжских городов: Астрахани (134, 35,5%), Волгограда (148, 32%), Саратова (135, 32,4%). Исследование проведено в учреждениях социальной защиты населения (123 респондента, 29,5%), образования (113 респондента 27%), культуры (160, 38,4%), других смежных

с вышеперечисленными учреждениями (21 респондент, 5%). Более половины респондентов (231 человек, 55,4%) работают в должности специалистов или служащих, треть – преподаватели (135 человек, 32%), руководящие сотрудники составили 9%, представители художественного и артистического персонала – 2%. У большинства респондентов в ближайшем окружении имеются пожилые люди (91%), родители маленьких детей (90%), исповедующие православие (85,5%) или другие религии (73,6%). У более половины респондентов в окружении имеются взрослые и дети с инвалидностью (64% и 57% соответственно). Наименее представлены в окружении опрошенных мигранты и люди нетрадиционной сексуальной ориентации. При этом люди нетрадиционной сексуальной ориентации встречаются чаще (24%), чем дети-мигранты (19,5%).

Анкета состояла из 32 вопросов, в значительной части которых респондентам предлагалось оценить уровень инклюзии социально уязвимых групп, уровень внимания к данным группам государственной и муниципальной власти с использованием порядковых шкал. Блок вопросов был направлен на выявление личного отношения респондентов к особенным людям и фиксации социальными практиками оказания помощи самими респондентами. В качестве независимых переменных использовались пол, возраст, образование и место работы, участие в профессиональных сообществах и удовлетворенность временем.

Одной из основных гипотез исследования было предположение о том, что наличие представителей уязвимых групп среди близких ведет к большей толерантности. Но в опрошенной выборке не обнаружено

значительной связи между наличием в окружении респондента представителей данных уязвимых групп и оценкой респондентами инклюзии этих же групп. Важным результатом стала найденная зависимость между оценкой инклюзии и ощущением социального времени. Чем больше удовлетворенность респондентов текущим временем, тем более высокие оценки инклюзии уязвимых групп они давали.

Наиболее высокие показатели инклюзии (внимание: по кодам значения, наоборот, низкие) зафиксированы в ответах на вопросы об оценке отношения организаций, в которых работают респонденты, и личном отношении респондента к уязвимым группам. Наименее дружественное отношение зафиксировано к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентации. Наиболее ярко – в оценках отношения общества, наименее – в оценках отношения организаций, в которых работают респонденты. Именно в оценках отношения к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации проявляются некоторые различия между профессиональными группами.

Наибольшее число показателей с «недружественным» средним баллом (9 показателей $> 2,5$) – у работников образовательных учреждений. Это обусловлено низкими оценками отношения общества к взрослым инвалидам с интеллектуальными нарушениями, а также недружественным личным отношением к лицам нетрадиционной сексуальной ориентацией и отношением организаций, в которых работают респонденты, к сотрудникам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. В целом принципиальных различий между профессиональными группами нет. Различия в

таблицах сопряженности, которые можно назвать статистически значимыми, не оказывают принципиального значения на характер распределения ответов.

Некоторые люди практически полностью исключены из отношений гражданства или же их права как граждан серьезно недооцениваются. Например, у инвалидов с детства и особенно инвалидов с нарушениями развития доступ к любой форме эффективного участия в жизни общества весьма ограничен, и они депривированы от возможности исполнения важных ролей в публичной и приватной, в том числе домашней или семейной сферах. Не только мигранты, чей маргинальный статус сильно затрудняет их мобильность и снижает качество жизни, но и многие из людей с инвалидностью, особенно женщины, а также люди преклонного возраста, некоторые группы молодежи фактически исключены из классической концепции гражданства [Романов, Ярская-Смирнова 2011].

А в условиях неолиберальных реформ, влекущих сокращение социального государства, граждане оказываются один на один со своими проблемами. Их маргинализация усиливается, неуверенность в завтрашнем дне растет. Но одновременно такая ситуация побуждает и обучает их бороться за свои права, находить собственные пути совладания. Кстати, одно из значений термина «мобильное гражданство» вслед за С. Филипс [Phillips 2010], а также отечественными авторами [Романов, Ярская-Смирнова 2006; Наберушкина 2012] – это как раз мобилизация коллективной идентичности людей, активизация общественной позиции.

Множественные барьеры, возникающие в окружа-

ющей среде, в социальных отношениях и установках, мешают людям исполнять обычные роли в обществе. Именно с этой перспективы в Конвенции ООН трактуется инвалидность – не только и не столько как заболевание или нарушение, а как результат социальных взаимодействий, который конструируется и рекрутируется в конкретных исторических условиях, создаваемых государством, рынком, обществом, семьей, друзьями или случайными прохожими.

В России по данным Минтруда на начало 2017 года было 12 млн взрослых и детей с инвалидностью и 40 млн других маломобильных граждан [Минтруд 2017]. К ним относятся, в том числе, пожилые люди с трудностями в передвижении, взрослые, использующие коляску для перевозки детей. Многие из этих людей зачастую не только лишены возможности учиться и работать, посещать музеи, театры и парки наравне со всеми, но попросту не могут выйти из дома. Им пытаются помогать члены их семей, с учетом которых речь идет о весьма масштабной группе в 70–80 млн человек.

Конвенция признает право инвалидов на участие в культурной жизни, проведении досуга и отдыха и занятии спортом (ст. 30). Отдельная статья Конвенции ООН посвящена вопросу доступности объектов и услуг инвалидам «наравне с другими». Речь, таким образом, здесь идет об универсальном дизайне. Иными словами, как указывается в Конвенции, окружающая среда (а также объекты, услуги, оборудование) должна быть обустроена таким образом, чтобы ее не нужно было подгонять, адаптировать под конкретные нужды инвалида (ст. 1).

Механизмы социальной инклюзии мигрантов фор-

мирует современное социальное государство, играя важную роль в сплоченности общества, формируя. Подтверждается гипотеза контакта: наличие представителей социально уязвимых групп среди близких способствует формированию инклюзивных установок. Организации сферы культуры, образования и социальной защиты отличаются более дружественным отношением к мигрантам-клиентам, нежели мигрантам-сотрудникам.

Миграционные процессы воспринимаются населением неоднозначно. Мы опросили 417 работников с высшим образованием, занятых в государственных и муниципальных учреждениях социальной защиты, образования и культуры в Астрахани, Волгограде и Саратове, собрали 15 интервью с экспертами. Методом сравнения средних значений данных выявилось мнение о дружественном отношении к мигрантам из Молдовы, наименее дружественном – Кавказа. Восприятие настоящего и будущего времени отражает социальное самочувствие, наши сограждане представляют будущее скорее пессимистично, причины беспокойства – преступность мигрантов. Вопрос выявил связь между восприятием дружественности общества к мигрантам и ощущением времени. Чем больше удовлетворённость текущим временем, тем более высокие оценки инклюзии уязвимых групп.

Наиболее высокие оценки дружественности общества по отношению к мигрантам дали работники сферы культуры, наличие представителей уязвимых групп среди близких ведет к большей толерантности респондентов. В Израиле исследование показано, что соцработники воспринимают мигрантов сквозь призму угроз и выгод, с ценностными ориентирами и ми-

грационной политикой. Эти установки вносят вклад в дифференциацию мигрантов на *желательных* и *нежелательных*, отражая тренд ксенофобии в целом. По теории контакта, знакомство, сближение с мигрантами влияет положительно не во всех случаях. Важную роль играет организационный контекст, объединяющий ценностные установки профессионалов в единую корпоративную культуру.

На вопрос, есть ли в их окружении православные, большая часть – 76% – ответила положительно. Материалы исследования свидетельствуют, что к православным общество настроено более дружелюбно – 57,8% опрошенных. 32% респондентов считают, что россияне настроены дружелюбно по отношению к католикам. 27% отмечают дружелюбное отношение к людям, исповедующим ислам, а 23,5% респондентов подчеркнули, что наше общество инклюзивно по отношению к буддистам, 23% – к иудеям. 44% опрошенных абсолютно согласны с тем, что люди разных конфессий имеют одинаковые права. 43% согласны, что нельзя выделять представителей одних конфессий, а других притеснять.

Часть опрошенных – 27% – признались, что среди друзей, знакомых, родственников есть люди с нетрадиционной ориентацией, а 64% респондентов отрицают наличие секс-меньшинств в их окружении. Отрицание большей частью респондентов связи с людьми нетрадиционной ориентацией объясняется негативными установками в отношении данной социальной группы, укоренившимися в российском обществе. Дискриминация может осуществляться по причине и самой ориентации, и их поведения. При этом

данные установки транслируются на официальном уровне: секс-меньшинства неприемлемы для России – культура, история, конфессии и устои общества противоречат этим установкам [Чернова 2012].

Гендер

Вопрос гендерного равенства поднимается много лет, и по закону женщины имеют равные права с мужчинами. 44,7% опрошенных считают, что в современном российском обществе женщины и мужчины скорее равноправны. 22,7% опрошенных подчёркивают главенство идеологии гендерного равноправия в условиях современной российской действительности. Однако данное равноправие является, скорее, формальностью, утверждённой в нормативных документах. На деле работодатель отдаст предпочтение мужчине, потому что данный кандидат не будет нарушать привычный режим труда по причине декретного отпуска, оформления больничных листов по уходу за ребёнком. 23,5% отмечают, что в России скорее нет гендерного равноправия, а 8% ответили, что мужчины и женщины в нашей стране вовсе неравноправны (Прил. 2.6).

Подход к окружающей среде, включая и транспорт, и зоны отдыха, и рабочие места, и школы, магазины, является *универсальным*, поскольку позволит улучшить жизнь всех людей, а людям с ограниченными возможностями – стать более независимыми и всесторонне участвовать в общественной жизни. Универсальный дизайн, таким образом, становится ключевым условием улучшения доступности окружающей среды, общественных благ и услуг для всех людей. Концепция универсального дизайна делает ак-

цент на человеческом многообразии и инклюзии [Intrie, Hall 2001]. Нередко эта проблематика анализируется в контексте партисипаторного городского планирования, инклюзивной архитектурной среды [Jones 2014].

На выявление и устранение препятствий и барьеров, мешающих доступности, с 2011 года направлена государственная программа «Доступная среда», на реализацию которой выделяются существенные объемы бюджетных средств. Однако, барьеры окружающей среды по-прежнему серьезно ограничивают права людей с инвалидностью и иных маломобильных групп граждан. Важное место среди объектов социально значимой городской инфраструктуры занимают зеленые зоны – парки, скверы.

Доступ к одним и тем же маршрутам, пространствам, способам мобильности «ограничен гендером, возрастом, этнической принадлежностью, социальным классом, здоровьем» [Урри 2013: 13]. Были изучены эффекты парков для особых групп, в частности экономически депривированных и меньшинств. В исследованиях, проведенных в Великобритании и США, было выявлено, что эффект, оказываемый на здоровье прогулками на свежем воздухе в парках, максимален для экономически депривированных групп (как правило, компактно проживающих на территориях с низкими экологическими показателями) [World 2016]. Качество таких зон и доступ к ним, а также их использование является важным предиктором общего состояния здоровья для указанных групп, чье здоровье также оценивается в самых низких баллах. Таким образом, обеспечение и поддержание ка-

чественных зеленых пространств в городах может внести важный вклад в сокращение неравенства по здоровью [World 2016].

ВОЗ специально фокусируется на проектах, посвященных доступности парковых зон для уязвимых групп, включая пожилых, людей с инвалидностью и других маломобильных категорий населения, а также мигрантов. Так, разработчики проекта Stepping Stones into Nature в Plymouth City в Англии отталкивались от данных о том, что среди мигрантов именно женщины редко бывали в парках. В рамках проекта женщины познакомились между собой на мастер-классах по лозоплетению, после чего они определились с парком, который бы они хотели и могли посещать. Теперь женщины регулярно бывают в зеленых зонах и даже создают там красивые ивовые арки и туннели [World 2016].

Проект Moved by Nature реализуется в Куорю (Финляндия). Здесь жителей, включая тех, кто относится к группам повышенного риска, в том числе недавних иммигрантов, вовлекают в различные виды деятельности в рекреационных и заповедных природных зонах. Активный образ жизни, по убеждению инициаторов проекта, позволит участникам улучшить качество жизни, в том числе, детям мигрантов лучше интегрироваться в школу [World 2017: 139]. Многие другие проекты, упомянутые в отчете ВОЗ, фокусируются на тех социальных группах, которые по тем или иным причинам депривированы от активного времяпрепровождения в скверах и парках или даже просто посещения, отдыха в зеленых зонах.

В этих оценочных схемах акцент делается на факторах равного доступа, а обследования предлагается

вести на основе количественных методик, в том числе, замеряющих объективные индикаторы и параметры восприятия зеленых зон людьми. Качественные исследования могут стать особым ресурсом понимания проблем доступности городских парков.

Социальные географы, антропологи и социологи в последние годы все чаще обращаются к методу интервью на прогулке с информантом (*walk along* или *go along*), сочетая опросные и неопросные техники: интервью, участвующее наблюдение, фото и видеосъемка, картографирование, даже привлекая технологии геоинформационных систем [Verd, Porcel 2012]. Во многом *walk along* близок методу *photo-voice* и другим партисипаторным методам. Суть состоит в том, что интервьюер проходит вместе с информантом по заранее выбранному или спонтанно меняющемуся маршруту, обсуждая запланированные и попутно возникающие вопросы. При этом информанты могут выступать гидами для интервьюера, обращая внимание на привычные, знакомые места и объясняя их смыслы, испытывают эмоции и обсуждают с исследователем свои переживания.

Эта методология происходит из новой парадигмы мобильностей [Урри 2013], открывая новые перспективы исследований пространства и перемещения [Evans, Jones 2011: 850]. Получается, что прогулка с информантом становится тестом окружающей среды на ее доступность.

Кроме того, интервью на прогулке с информантом относится к феноменологическим методам, позволяющим узнать о взаимодействии людей с окружающей средой в процессе непосредственного переживания

этого опыта, в том числе, в исследованиях опыта миграции [Kochan 2016], здоровья и благополучия, инвалидности [Lid, Solvang 2016]. В ходе такого исследования город предстает как целостная система, организм с его собственной внутренней динамикой [Амин, Трифт 2002], а территория понимается насыщенный социально-пространственной информацией, важной для исследователя. Истоки этого подхода к интерпретации городской жизни можно найти в городских исследованиях, проводимых в 1920–1930-е годы в Чикаго [Парк 2002; Вирт 2016; Вирт 2005], городской антропологии [Merry 1997; Ярская-Смирнова, Романов 2004] и подходах, относящихся к новой урбанистике [Verd, Porcel 2012; Амин, Трифт 2002]. Исследователи обращались к проблемам жилищной политики, городского планирования, показывали растущую сложность городской жизни, преимущества микро-подходов, а распространение партиципаторных и акционистских подходов повышало практическую значимость и гражданское звучание городских исследований. Этот поворот и обусловил возникновение такого метода, как *walk along* (*go along*).

Исследователи начали задаваться вопросами о социальном производстве городского пространства, о трансформации города в процессе постоянного и не всегда мирного взаимодействия городских властей, дизайнеров и планировщиков, архитекторов, строителей и обычных людей – старожилов и приезжих, словом, повседневных пользователей, ежедневно производящих изменения в городах. Все эти акторы, вступая во взаимодействие друг с другом и окружающей средой, с разным эффектом и разными спосо-

бами вносят вклад в производство и реконфигурацию городского пространства [Лефевр 2015], отсюда и возникла идея «права на город». Это касается не только повседневности городской жизни и планирования городского пространства. Речь идет и о методологии исследования, которая должна предоставить слово обычным людям. Мы предоставили нашим информантам – собеседникам и попутчикам – право высказываться и дать нам возможность прочувствовать их опыт, следуя их прогулочным маршрутам.

Насколько город доступен и комфортен для разных людей, в том числе тех, кто использует различные приспособления для перемещения? В ходе исследования с использованием метода интервью на прогулке с информантами в Саратовских парках и других зеленых прогулочных зонах были получены уникальные материалы о восприятии своего права на город людей с различными возможностями передвижения: пожилых и юных, людей с инвалидностью и без инвалидности, родителей с маленькими детьми.

Их взгляд на окружающую среду и мобильность представляет перспективу реально проживаемого пространства, «а не ту, которая получается из сравнения с воображаемым так называемым обычным пешеходом» [Lid, Solvang 2016]. С точки зрения мамы подростка с инвалидностью, доступная среда – это возможность быть вовлеченным *«в активный образ жизни, просто банальный отдых. То есть вот, например, тоже сделана спортивная площадка, очень удобное место. Но человек с ограниченными возможностями, попасть на эту площадку [не сможет] ... везде здесь бордюрный камень»*. И она пред-

принимает героические усилия, *«чтобы ребенку было интересно, и так у него четыре стены»* (Марина, 45 лет, высшее образование, не работает, ухаживает за 15-летним сыном-инвалидом детства, детский церебральный паралич).

Это рассказы не только о сопротивлении и преодолении, но и об исключении и дискриминации. Наши собеседники показывают, что иногда они воздерживаются от выхода в город из-за физических барьеров и недружественного окружения, их жизнь ограничена недоступной средой, эксклюзивной в том смысле, что она предназначена не всем людям, а лишь исключительно *«для здоровых и молодых...»* (С.П., муж., 77 лет, слабовидящий, проблемы с опорно-двигательным аппаратом, при передвижении использует трость). Социальная и пространственная среда может поддерживать или препятствовать самооценке граждан и, таким образом, влиять на их возможность участвовать в жизни общества [Lid, Solvang 2016: 191]. Ограничение мобильности уменьшает социальный капитал и создает новые формы социального отчуждения [Урри 2013: 9]. Вот почему Конвенция ООН помещает вопросы доступности в перспективу прав человека. Поскольку социальное гражданство на практике сталкивается с барьерами, речь следует вести о факторах, которые облегчают ориентацию, мобильность и безопасность, тем самым гарантируя людям право на город.

Право на город в перспективе мобильного гражданства становится важной перспективой исследования. Анализ выявил разные аспекты доступности в контексте взаимодействия между человеком и средой, в проживаемом пространстве, где соединяются восприятие

2.2. Социально-урбанистский дискурс темпоральности: опрос городской инженерии

Оценка дружественности инженерно-технического сообщества к городским группам со слабыми ресурсами. В порядке постановки проблемы

Целью исследования являлась оценка дружественности инженерно-технического сообщества к городским группам со слабыми ресурсами. Инженерное образование бесспорно имеет социальный дискурс: это ценность не только для технического прогресса, модернизации, акцент в стратегиях новых технологий. Инженер – основной генератор инноваций, исследователь, организатор работы команды, менеджер, руководитель, социальный статус и мобильность горожанина-инженера подразумевает выстраивание стратегий профессиональной самореализации выпускников инженерных специальностей. Профессия инженера одновременно выступает воспроизводством культуры, созидательной силой конструирования города, жизни населения. Инженеры становятся экспертами и агентами повышения уровня доступности, комфортности, привлекательности российских городов, их инфраструктуры, включая универсальный дизайн как способ смягчения социального неравенства городского пространства и времени, создания безбарьерной среды. Становится возможной разработка модели многофункционального темпорального статуса инженерного кластера в урбанизированном сообществе благодаря не только социальной составляющей инженерного образования, но и специалистам в сфере инженерной и городской социологии, выпуск-

никам социологической школы.

В социальной подготовке инженер может усвоить методы моделирования, систематизации, исторической реконструкции, сравнительного анализа, комплексные подходы к оценке качества, ценности гуманитарного критерия в деятельности технического специалиста. Постоянный обмен знаниями в проектных группах студентами разных специальностей позволяет конструировать междисциплинарные дипломы, академическую и социальную сплочённость. Могут быть введены инженерная этика, виртуалистика и геймификация в системе университетского образования, разработка новой модели университета и гуманитарного образования в техническом вузе. Среди многообразных факторов, влияющих на профессиональное поведение инженера, изменение престижа, статусных позиций особое место занимают повышение степени понимания им социальной справедливости, интеграции, сглаживания, стирания социально-экономических разделительных линий внутри социума с целью достижения равенства прав, относительной гомогенности страт и устойчивости развития региона.

Таким образом, объединение научно-образовательного потенциала *социального и технического направлений* позволяет повысить качество обучения и результативность научной работы, расширить проблемное поле эмпирических исследований, эффективность обучения молодёжи. Процедура темпорального исследования определит соответствие реализуемых городских проектов индивидуальным и групповым темпоральностям, станет инструментом перманентной профилактики социальной дискрими-

нации и неравенства. Тема социального гражданства молодой инженерной прослойки города вскроет темпоральный статус инжиниринга, соответствие критериев профессиональной успешности инженера социальным запросам. Адекватная оценка времени когортой инженеров переосмыслит сферы городской социальной жизни, досуга, управления, производства, поможет сформировать междисциплинарные стратегии профессиональной подготовки, конструирования социальной компетентности и готовности к социальной интеграции в темпоральность городской среды. В итоге тема урбанистического инжиниринга актуализирует необходимость моделирования его роли в социальной жизни города.

Описание исследования

Цель исследования – сбор эмпирических данных об инклюзивной культуре инженерно-технических сообществ Саратова по отношению к уязвимым, маломобильным городским когортам. Эмпирические данные позволят получить оценку дружелюбности технического сообщества и организаций к городским группам со слабыми ресурсами и ограниченными возможностями; выявить более высокие и низкие показатели инклюзии, наименее и наиболее дружелюбного отношение организаций, в которых работают информанты и их личном отношении к социально уязвимым группам; насколько это обусловлено отношением общества к людям с инвалидностью различного типа. А также представление об инклюзивной культуре, степени дружелюбности представителей инженерно-технических сообществ г. Сара-

това по отношению к уязвимым, маломобильным городским когортам; раскрыть основные трудности формирования городской инклюзивной культуры и социальной сплочённости.

Социально-демографические характеристики и профессиональная принадлежность респондентов

Исследование проводилось методом онлайн-опроса. В исследовании приняли участие 220 респондентов представителей инженерно-технического сообщества г. Саратова – 156 мужчин (70.9%) и 64 женщины (29%) в возрасте от 18 до 80 лет. В их числе студенты и преподаватели инженерно-технических направлений Саратовских вузов, инженеры – работники предприятий и заводов.

Почти половина (49%) респондентов считают, что люди инженерных специальностей скорее сплочены, сильно сплочены считают 10,9%, скорее разобщены – 16,8%, совсем разобщены 4,5% опрошенных. Студенты ответили, что гордятся своей специальностью (16,4%), относятся спокойно, с уверенностью – 49,5%, не испытывают никаких чувств – 23,6%, 5% относятся скептически, и 1,8% – скрывают, стесняются своей принадлежностью в этой группе.

Профессиональной группой респондентов в будущем может стать: трудовой коллектив – 63,2%, профсоюз 20%, общественная организация – 17,3%, профессиональная организация – 16,4%, люди инженерно-технических профессий – 13,6%, неформальная творческая группа – 13,2%, группа в социальных сетях -12,7%. 25,4% опрошенных хотели бы присоединиться к профессиональному объединению, ассоциации, 36,4 – не желают этого и

32,7 затруднились ответить.

Респонденты оценили свое материальное положение следующим образом: 56,9% – ответили среднее, 17,3% – хорошее, 14,5% оценили как плохое, 2,3% – ответили – очень плохое, 5,4% – очень хорошее, 3,6% – затруднились оценить свое материальное положение.

Удовлетворенность временем

Половина опрошенных (46%) скорее удовлетворены временем, в котором живут. 19,5% ответили – вполне удовлетворены; 21% скорее не удовлетворены; 7% совершенно не удовлетворены. И 5% затруднились ответить.

Окружение респондентов. Взрослые и дети с инвалидностью

Почти половина опрошенных (49,5%) ответили, что в их окружении нет взрослых людей с инвалидностью и детей-инвалидов (71%). Лишь у 41% опрошенных есть в окружении взрослые с инвалидностью и дети-инвалиды (18%); 5,4% – затруднились ответить.

Мигранты. В окружении 57% опрошенных нет мигрантов, у 32% есть в окружении мигранты, 6% затруднились ответить. Детей-мигрантов меньшее количество в окружении, лишь у 12% опрошенных. 74% ответили, что детей-мигрантов в их окружении нет. 7,7% – затруднились ответить. Двое пропустили этот вопрос (1,7%).

Люди нетрадиционной сексуальной ориентации. Затруднились ответить на вопрос о наличии в окру-

жении людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией 15%. 58% ответили, что таких людей в их окружении нет. Лишь 8% такие люди есть в окружении.

Родители маленьких детей. Большая часть опрошенных на вопрос есть ли в их окружении родители маленьких детей ответили «да» (80%). «Нет» – 15%. Затруднились ответить 3%.

Пожилые. Почти у всех опрошенных есть в окружении пожилые люди – 9%. Лишь у 6.4% нет пожилых людей в окружении. 2% затруднились ответить.

Исповедующие православие и другие религии. В окружении инженеров большая часть людей, исповедующих православие (81%), чуть меньше (63%) людей, исповедующих другие религии. 9,5% – ответили, что в них окружении нет православных людей, 17,7% – людей других религий. 7% и 15% соответственно затруднились ответить на вопрос.

Таким образом, в окружении респондентов преобладают пожилые люди (87%), люди, исповедующие православие (83%), родители маленьких детей (72,5%), люди, исповедующие другие религии (63%). В меньшей доле мигранты (30%) и взрослые люди с инвалидностью (30%). Низкий процент людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией (17%), детей-инвалидов (13,3%) в окружении респондентов. Последнее место по распределению процентов занимают дети-мигранты (7,5%).

Дружественное отношение в понимании опрошенных инженеров

- 43% опрошенных считают дружественным отношением, когда на улицах не оскорбляют, при этом

56,4% не согласны с этим;

- 26% отметили, что дружественное отношение проявляется, когда *всем удобно пользоваться транспортом*. 56,4% не согласны с этим.

- 32% читают дружественным отношением, когда улицы, *пешеходные зоны, транспортные остановки доступны и удобны*, 68% не согласны данным утверждением;

- 34% согласились с тем, что *удобство и доступность мест общественного пользования* – проявление дружественного отношения, 66,4% – не согласны с этим;

- большинство респондентов – 84% считают *готовность помочь* – есть проявление дружественного отношения, 16,4% не выбрали данное утверждение;

- *развитая система служб поддержки и помощи* была рассмотрена в качестве проявления дружественного отношения

43,6% опрошенных, 53% не выбрали данный вариант;

- *отсутствие дискриминации на работе* – 53,6% опрошенных считаю проявлением дружественного отношения, столько же (54%) не согласились с этим. Похожая ситуация с *дискриминацией при приеме на работу*: 51% выбрали данный вариант ответа, 48,6% не выбрали. Остальные пропустили этот вопрос.

- *отсутствие дискриминации по месту учебы*: мнение респондентов разделились поровну (50% считают, что отсутствие дискриминации по месту учебы – проявление дружественного отношения, 50% не согласны с этим) (Прил. 4).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что

дружественное отношение в большей степени проявляется в готовности помочь (83,6%), затем отсутствие дискриминации на работе (53,6%) и приеме на работу (51,4%), а также по месту учебы (50%). Далее развития система социальной защиты (43,6%) и отсутствие оскорблений на улице (43,3%), потом удобство и доступность общественных мест (33,6%), удобно пользоваться транспортом (32,3%). На последнем месте (26,4%) – доступный и удобный для всех транспорт (Прил. 4.1).

Отношение современного российского общества к людям различных возрастных категорий

Респонденты считают, что российское современное общество скорее дружественно (37,3%) и дружелюбно (37%) относится к *детям в возрасте от 0 до 12 лет*. Лишь 8% ответили скорее не дружественно, 7% не дружелюбно. 82% – затруднились ответить (Прил. 4.2).

Оценка респондентами отношения российского общества к *подросткам 13–17 лет* достаточно разрозненная: 35,5% оценивают как скорее дружественное, 23,6% скорее не дружественное, 17% дружелюбно, 11% не дружелюбно. 10% – затруднились ответить на данный вопрос (Прил. 4.3).

Отношение российского современного общества к *молодежи 18–30 лет* респонденты оценили следующим образом: большая часть – 39,5% оценивают как скорее дружественное, 22,3% – дружелюбно, 20% – скорее не дружественное, 8% – недружелюбно. Столько же опрошенных затруднились ответить (Прил. 4.4).

Респонденты оценивают отношение российского

осовремененного общества к людям в возрасте от 41 до 55 лет в целом позитивно (Прил. 4.5). Мнение респондентов разделилось таким образом: 34,5% считают скорее дружественное и 28% дружественное. Скорее не дружественное – 13,6% и не дружественное 9%. 11,4% затруднились ответить.

Ответы респондентов об отношении российского осовремененного общества к людям в возрасте 55 лет и старше распределились следующим образом: 27% – дружественно, 27% – скорее дружественно, 16% – скорее не дружественно, 15% – не дружественно, 11% – затруднились ответить (Прил. 4.6).

Отношение российского современного общества к людям с инвалидностью

По мнению респондентов, современное российское общество скорее дружественно (35%) и дружественно (29,5%) относится к незрячим и слабовидящим людям. Недружественно – считают лишь 9% опрошенных, скорее не дружественно 12%. Затруднились ответить – 12%. К неслышащим и слабослышащим: 35% ответили скорее дружественно и 29% – дружественно, скорее не дружественно 12,3%, недружественно 9,5%. 11% затруднились ответить (Прил. 4.7)

Отношение российского современного общества к людям с заболеваниями опорно-двигательного аппарата скорее дружественно, так считают 31% опрошенных и дружественно – 28%. Скорее не дружественно ответили 14,5%. 10,5% посчитали отношение к таким людям не дружественным. При этом 12,3% затруднились ответить.

Что касается отношения общества к людям с

аутизмом, мнение респондентов разделилось следующим образом: 31% считают, что скорее дружественное отношение и 23% – дружественно. 28% посчитали скорее не дружественно, не дружественно – 17%. Затруднились ответить на этот вопрос 16%. В отношении людей с Даун-синдромом общество: скорее не дружественно – 26%, скорее дружественно – 19,5%, дружественно 15%, не дружественно 19%. Остальные 18% – затруднились ответить. Отношение общества к людям с различными интеллектуальными нарушениями респонденты оценили как дружественное – 15%, скорее дружественно – 18,6%, скорее не дружественно – 27%, не дружественно – 18%. Почти каждый пятый (19,5%) затруднился ответить. К людям с другой инвалидностью: общество дружественно 14%, скорее дружественно – 18%, скорее не дружественно – 9%, недружественно – 19%, затруднились ответить – 37%.

Отношение российского современного общества к детям с инвалидностью

По мнению большинства респондентов, современное российское общество скорее дружественно (35%) и дружественно (22%) относится к незрячим и слабовидящим детям. Не дружественно считают лишь 12,3% опрошенных, скорее не дружественно 15,9%. Затруднились ответить – 11,4%. К неслышащим и слабослышащим: 36% ответили скорее дружественно и 22,3% – дружественно, скорее не дружественно 18%, не дружественно – 11%. Каждый десятый затруднился ответить. Отношение российского современного общества к детям с заболеваниями опорно-двигательного аппарата скорее дружественно

но, так считают 29,5% опрошенных и дружественно – 21%. Скорее недружественно – ответили 2%. 15% посчитали отношение к таким детям не дружественным. При этом 10% затруднились ответить.

Что касается отношения общества к детям с аутизмом, мнение респондентов разделилось следующим образом: 24,5% считают, что скорее дружественное отношение и 23,3% – дружественно. 13,6% посчитали не дружественным, скорее не дружественно – 24,5%. Затруднились ответить на этот вопрос 15,9%. В отношении детей с Даун-синдромом общество: скорее не дружественно – 22%, скорее дружественно – 23,6%, равный процент ответивших оценили отношение общества как дружественно (22%), не дружественно (22%). Остальные 16,4% – затруднились ответить. Отношение общества к детям с различными интеллектуальными нарушениями респонденты оценили как дружественное – 22,7%, скорее дружественно – 22%, скорее не дружественно – 19%, не дружественно – 13,6%.

19,5% затруднились ответить. К детям с другой инвалидностью: общество дружественно – 18,6%, скорее дружественно – 16,8%, скорее не дружественно – 13%, недружественно 7%, затруднились ответить – 35% (Прил. 4.7).

Обучение детей-инвалидов

Незрячие и слабовидящие дети, по мнению большинства респондентов, должны обучаться в специализированных школах (46,4%), 36,4% опрошенных считают, что слабовидящие дети должны обучаться в специализированных классах обычных школ. Лишь

8,2% считают в обычных классах. Затруднились ответить 7,3%. *Неслышащие и слабовидящие* дети, по мнению большинства респондентов, должны обучаться в специализированных школах (42%), 44,5% опрошенных считают, что дети должны обучаться в специализированных классах обычных школ. Лишь 5% считают в обычных классах. Затруднились

2.6. Инклюзивный потенциал фольклора

Инклюзия становится одной из самых актуальных повесток дня в современной России. Вопросами инклюзии сегодня озабочены не только специалисты в сфере социальной работы, социальной педагогики, социологии, но и образования. О такой осведомленности в этой сфере профессионалов в образовании, да и просто обывателей, нельзя было подумать еще лет десять назад.

К сожалению, не все члены нашего общества еще готовы принимать в свой круг людей с особыми потребностями. Доходит до открытых конфронтаций с инвалидами просто из-за того, что те установили дома подъемник для коляски [Жильцы... 2015]. Доступность физической среды, которая необходима для инклюзии, пока не может удовлетворить потребностям, например, инвалидов-опорников, незрячих, а также родителей с детьми, которым для передвижения необходима коляска. Прописанные в законах нормативы по строительству новых зданий, предусматривающие условия, позволяющие маломобильным гражданам беспрепятственно попадать в него и передвигаться внутри, начинают исполняться, но одно только физическое пространство не сделает среду доступной. Необходимо пересмотреть отношения к инвалидам со стороны граждан [Рубникович 2019].

Забота о лицах с особыми потребностями в России упоминается в текстах XVI-начала XVII веков. Появляется классификация этих категорий людей, учреждается система помощи, а при Петре I с 1706 по 1715 годы возникают специальные монастырские

приюты для больных и обездоленных [Воронова 2017: 38]. Традиционные представления об инвалидах как о больных в современном обществе не отвечают современным принципам социальной интеграции, поскольку ведут к исключению детей и взрослых с ограниченными возможностями. Но возможно, потенциал инклюзии можно найти в традициях, в фольклорном материале?

Живем, работаем, играем вместе. Кейс православного фольклорного лагеря для детей-инвалидов

Курс на инклюзию – сравнительно новое явление в России, и наряду с другими нововведениями культуры, способов и каналов социального взаимодействия, проникает в многие социальные институты, в том числе посредством образования, СМИ, социальной работы, церкви. Инклюзия оказывается в центре внимания в педагогических кругах [Воронова 2017: 37]. В инклюзивных школах вводят предмет «Фольклор», на таких уроках дети с особенностями развития и все остальные дети вместе и на равных осваивают программу, даже если у детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) есть трудности в освоении других школьных предметов. На сайте Президентских грантов есть информация о проекте, где представлен пример использования фольклора для инклюзии: «фольклор и народное творчество являются одним из важных факторов развития ребенка и уникальным средством для передачи народной мудрости и воспитания на начальном этапе его развития. Он развивает фантазию, воображение, сообразительность, эстетическое восприятие окружающего и даже умение

внимательно слушать и четко выговаривать слова» [Творческая мастерская].

С 2011 года социальная работа официально развивается в приходах РПЦ [О принципах 2011]. Причем, настоятель и социальные работники каждого храма ведут эту деятельность по-разному [Кононенко 2013: 373]: помощь прихожанам своего храма, шефство над школами, домами престарелых, интернатами, воинскими частями, колониями.

В этом разделе мы бы хотели остановиться на одной православной общине в паре сотен километров от Москвы. Мы не будем давать здесь название или какие-либо данные об этой инициативе из этических соображений. Община сформировалась вокруг местного деревенского храма, восстановленного руками энтузиастов, и привлекает жителей из городов, в первую очередь, из Москвы. Мы опираемся на анализ релевантных публикаций, а также проведенные нами качественные интервью с членами этой общины, которые осуществляют свой посильный вклад в социальную инклюзию.

С 2000х годов здесь работают над созданием общины с «поддерживающим проживанием» для семей детей-инвалидов. «Создание такого места проживания – долгосрочный проект в общине», - говорит одна из преподавателей.

Представители РПЦ (настоятели храмов и приходские социальные работники в Москве и Московской области) говорят в интервью о том, что социальная работа, хоть и была институализирована официально в 2011 году, всегда была частью политики церк-

ви, частью ее философии [Кононенко 2013: 370].

В рассматриваемом нами лагере работа с детьми-инвалидами делается «во славу Божию»¹, а от волонтеров, работающих в общине, в отличие от гостей (подопечных и их родителей), ожидается постоянное посещение церкви:

«Никто нас, конечно, не заставляет и насильно не ведет, но если мы не придем на службу, то, ну, будет разговор с бабушкой, а бабушка всё очень доходчиво объясняет» (м, 16, волонтер)

¹ Формулировка с сайта инклюзивного лагеря

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном обществе социальная инклюзия проявляется как путь к единству страт и классов, преодолению различных форм неравенства. Социальная инклюзия маломобильных и уязвимых групп населения является актуальной проблемой любого общества, обеспечивая воспроизводство культуры и социальный прогресс. Инклюзия означает демократическую акцию включения лиц с ограниченными возможностями здоровья, с инвалидностью – индивида, группы в общий поток социокультурного процесса, более широкое сообщество, пространство образовательного и трудового процессов, преодоления географических неудобств, экономических и субкультурных различий и сегрегации. Маломобильные социальные группы, включая инвалидов и пожилую когорту, выступают социальным индикатором, подающим определенные импульсы нерешённости ряда жизненных вопросов по мере социализации и времени жизни индивидов и групп, доступности городской и образовательной среды. От того, насколько социальные и возрастные группы включены в практики взаимопомощи, преодоления неравенства, стереотипов и защиты человеческого достоинства, зависит степень социальной сплоченности и мера гражданственности сообщества. Время травмы и инвалидности воспринимается и проживается разными возрастными группами по-разному, социальная среда может способствовать улучшению качества жизни социального субъекта или приводить к его депривации.

Инклюзивный процесс означает уход от дискрими-

нации по полу, возрасту, здоровью, этничности и иным признакам. При этом инклюзия не тождественна простому включению человека в обычные социокультурные отношения, требуя поддержки, ежедневной кропотливой индивидуальной и групповой работы по созданию универсальных условий городской среды современного цифрового и урбанизированного пространства, с учетом характера травмы и группы инвалидности, межличностного взаимодействия и жизненных целей. Инклюзия как понятие по сути своей социально, она не может ориентироваться исключительно на один сегмент культурной и социальной жизни. Актуальным в направлении образования молодых инвалидов становится поиск эффективных, комплексных, адаптирующих мероприятий, интерактивных образовательных технологий, направленных на социальную интеграцию в урбанизированном пространстве. В России имеется законодательная основа для реализации практик социальной инклюзии и инклюзивного образования уязвимых категорий населения, которая соответствует международным стандартам обеспечения равенства возможностей.

Одной из гипотез исследования было предположение, что наличие представителей уязвимых групп среди близких ведет к большей толерантности, хотя в опрошенной выборке не обнаружено значительной прямой связи. Важным результатом стала найденная зависимость между оценкой инклюзии и ощущением социального времени: чем больше удовлетворенность респондентов текущим временем, тем более высокие оценки инклюзии уязвимых групп они давали. Прослеживается негативное отношение к людям нетрадиционной ориентации, транслирующее социокуль-

турные установки современного общества. Люди менее расположены к инвалидам с психологическими и интеллектуальными нарушениями.

Применение количественной и качественной социологической методологии в ходе исследования позволило получить комплекс новых эмпирических данных, значимых для развития инклюзивной социальной политики, формирования инклюзивной культуры. Под инклюзивной культурой респондентами понималось дружественное отношение к особенным людям, включение их в полноценную социальную жизнь.

Респонденты критично рассматривают политику власти по созданию комфортных условий для жителей регионов. Чтобы обозначить микроконтекст проблемы, нужны результаты качественного исследования – интервью с экспертами в сфере социальной политики, культуры, образования. Институты образования, культуры, социальной защиты, отвечающие за инклюзивную политику, не смогли пока накопить достаточный опыт по оказанию помощи уязвимым группам. Это объясняется культурными барьерами, стереотипами и предрассудками, порой транслируемыми самими же педагогами, врачами, работниками культуры, специалистами в сфере социальной работы. Инклюзивные практики выражаются и в создании технических условий беспрепятственного доступа уязвимых групп к разным сферам социальной жизни города, и специфике мировоззрения, согласно которому у людей меняется отношение к мигрантам, инвалидам, иным особенным когортам, появляется интенция к инклюзии, включению в сообщество и ува-

жению.

Респонденты рассматривают проблемы социальной инклюзии как интегрированное явление, отражающее общую культуру общества и сообществ, систему ценностей большинства населения, их нравственно-духовное состояние. Инклюзивные практики выражаются не только в создании технических условий доступности маломобильных групп к разным сферам жизни общества, но и специфике мировоззрения, которое необходимо конструировать в позитивном, толерантном, дружественном аспекте. Большинство опрошенных считают, что городская администрации недостаточно активна в этих процессах, граждане отмечают низкую степень включенности государства, власти в решение проблемы инвалидности и мер, направленных на инклюзию инвалидов и их семей в современную палитру социокультурных отношений.

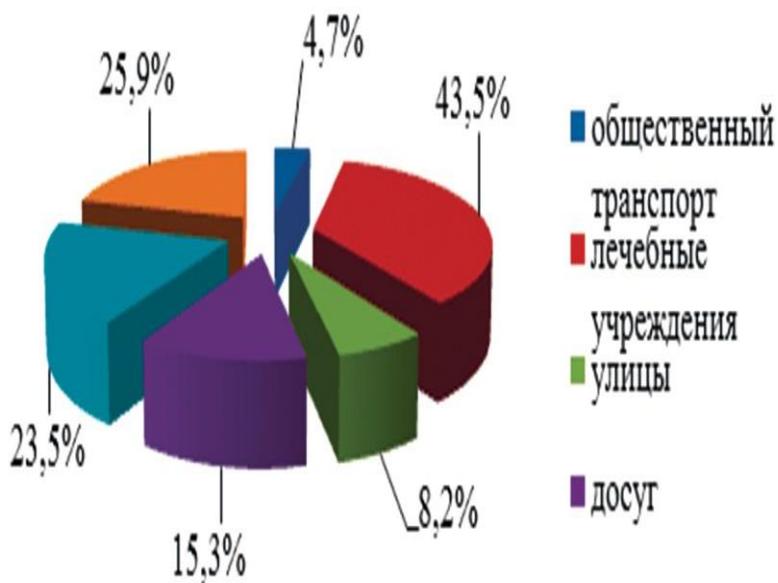
В соответствии с теорией контакта, знакомство, сближение с мигрантами положительно влияет на отношение к группе, и такое общение должно стать повседневным, происходить регулярно, в любых ситуациях. Профессиональные группы социального государства – социальные работники, учителя, врачи – вносят важный вклад в социальную интеграцию мигрантов, их инклюзию. Важную роль в формировании инклюзивного отношения к мигрантам играет организационный контекст, который объединяет ценностные установки разных профессионалов в единую корпоративную культуру. Формирование инклюзивной организационной и профессиональной культуры становится задачей адаптации структуры и культуры организации, сопряжено с рефлексией и пересмотром стереотипов и ценностных клише сотрудников.

Развитие межкультурных компетенций и следование принципам социальной справедливости,

ПРИЛОЖЕНИЕ

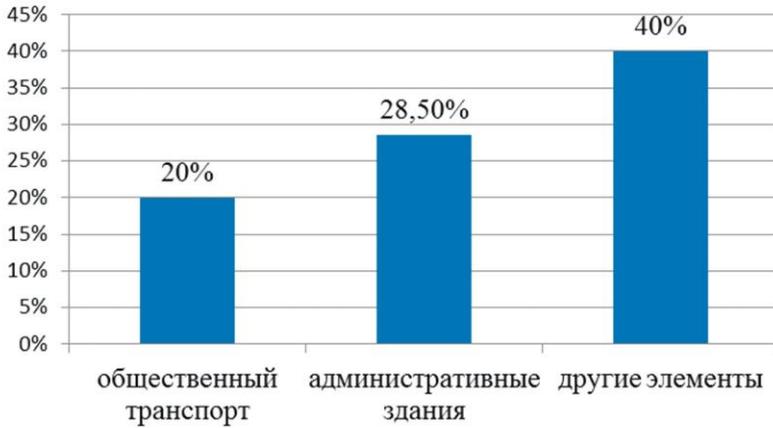
Приложение 1

Оценки удобства городской инфраструктуры для инвалидов-колясочников в разрезе элементов инфраструктуры

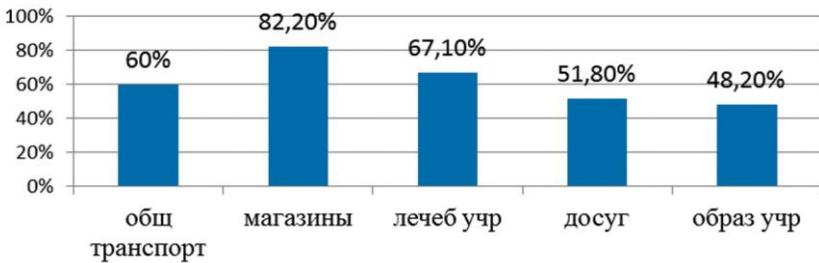
Приложение 1.1

**Оценки удобства городской инфраструктуры
для родителей с колясками**

Приложение 1.2

**Оценки удобства городской инфраструктуры
для родителей с колясками**

Приложение 1.3.

Необходимые мероприятия по улучшению городской среды

Приложение 1.4.

Табл. 1.4.1 Организация доступной среды

№	Субъект организации	% ответивших
1.	Государство	78,8%
2.	Местные власти	64,7%
3.	Бизнес	43,5%
4.	Благотворительные фонды	20%

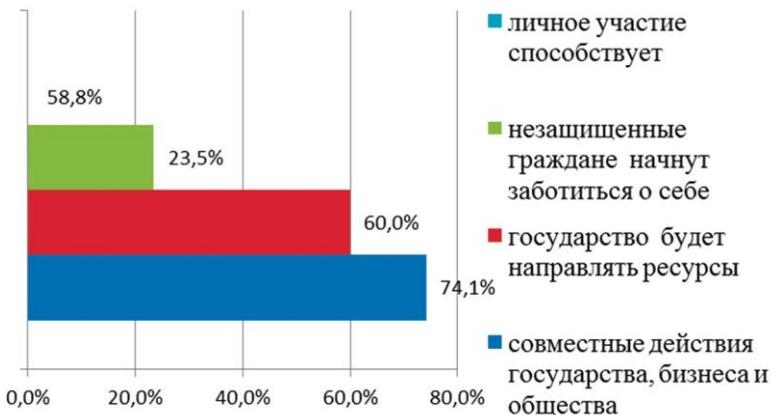
Приложение 1.5

Табл. 1.4.2 Степень согласия с утверждениями о положении инвалидов в обществе

№	Утверждение	% согласив
1.	Люди с инвалидностью имеют право использовать возможности, которыми беспрепятственно могут пользоваться здоровые люди	78,8%
2.	Люди с инвалидностью могут стать полноценными членами общества, поэтому нужно создавать для них специальные условия	67,1%
3.	Решением проблем людей с инвалидностью должны заниматься некоммерческие общественные организации	36,5%
4.	Мигранты имеют право использовать возможности, которыми пользуется местное население	31,8%
5.	Люди с инвалидностью должны объединяться в решении собственных проблем	27,1%

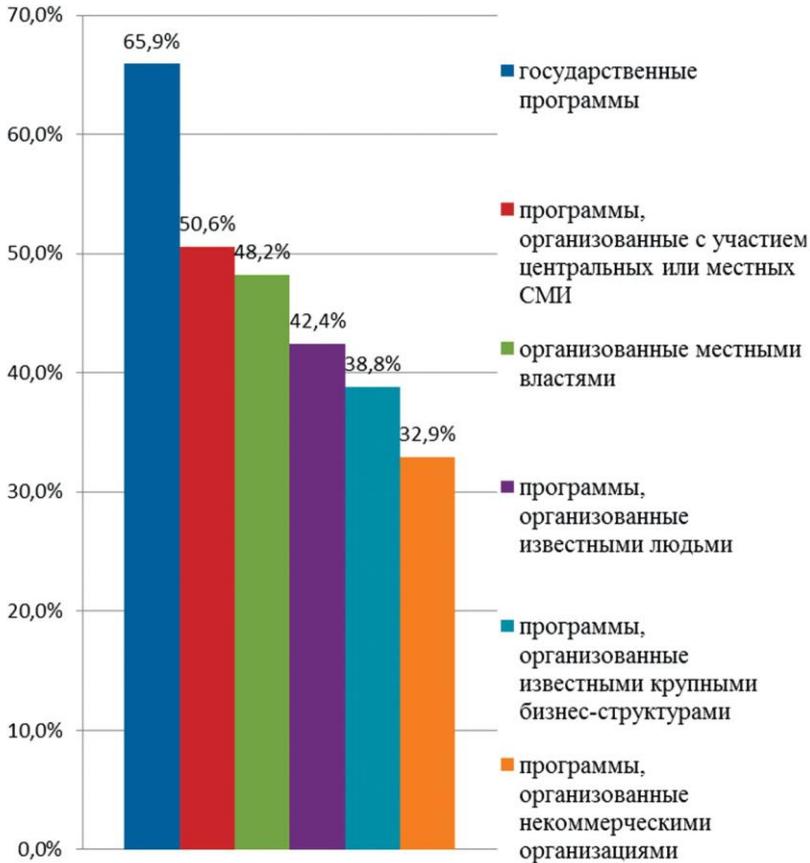
Приложение 1.6.

Условия улучшения качества жизни людей с ограниченными возможностями здоровья

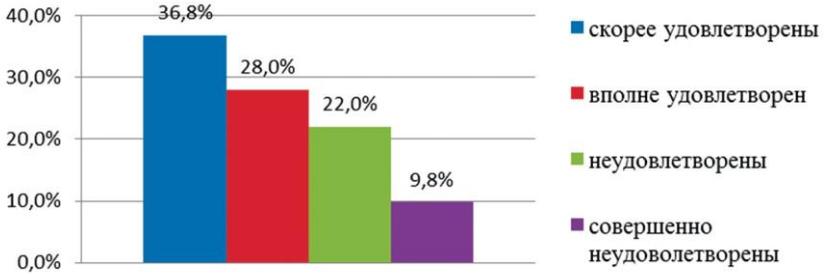
Приложение 1.7.

Оценка эффективности социальных программ

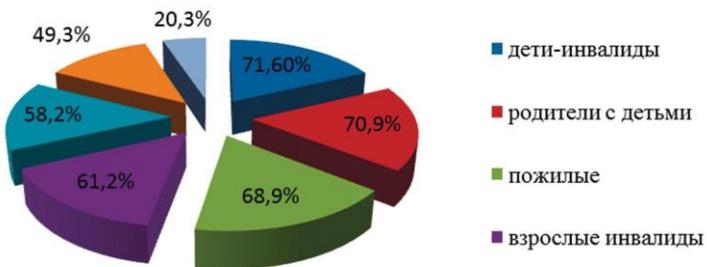
Приложение 2

Удовлетворенность социальным временем

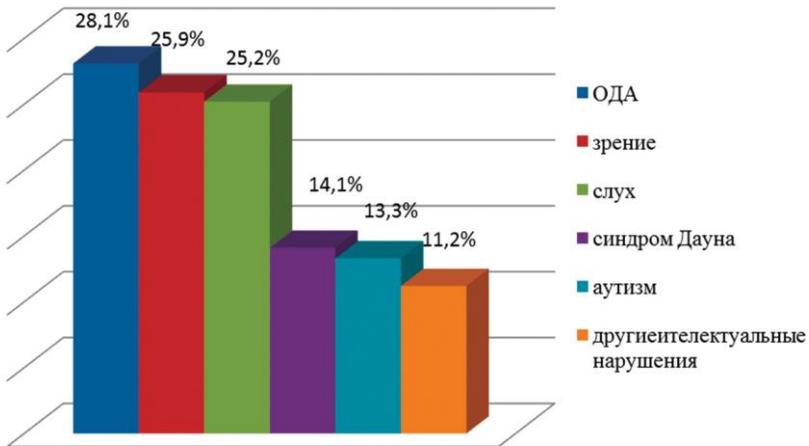
Приложение 2.1

Дружественность респондентов к социально-уязвимым группам населения

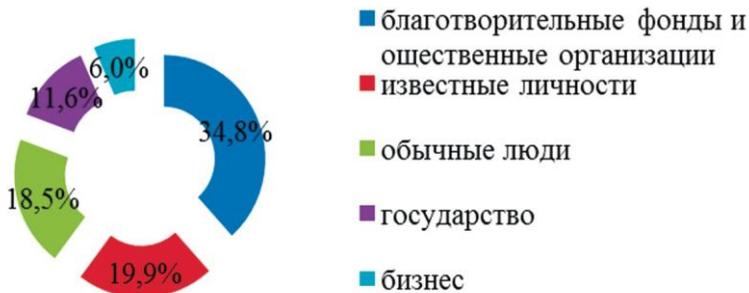
Приложение 2.2

Отношение общества к детям с различными видами инвалидности

Приложение 2.3

Субъекты помощи детям-инвалидам

Приложение 2.4

Табл. 2.4.1 Отношение государства к людям пожилого возраста

№	Высказывание	% согласившихся
1.	Пожилым везде у нас почёт	14,1%
2.	Государство предпринимает скорее недостаточно усилий, чтобы пожилые чувствовали себя включёнными в социальную жизнь	42,1%
3.	Государственных мер по формированию инклюзии пожилых людей недостаточно	34,6%
4.	Государство заботится в полной мере о пожилых	6%

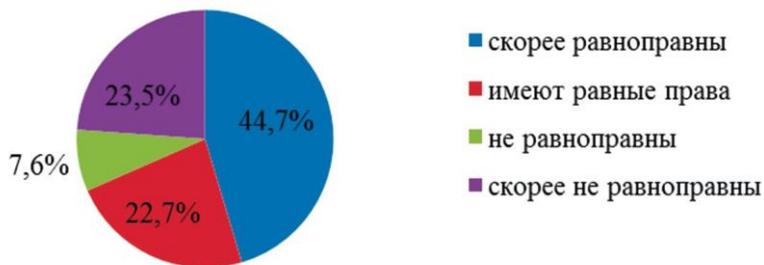
Приложение 2.5

Табл. 2.4.2 Оценка дружелюбности общества к мигрантам

№	Высказывание	% согласившихся
1.	Мигранты такие же люди, как все, их надо уважать	33,3%
2.	Дети мигрантов могут обучаться в общеобразовательных школах, обычных классах	52,1%
3.	Мигранты наносят вред и опасны для общества	12,6%

Приложение 2.6

Гендерное равенство

Приложение 3

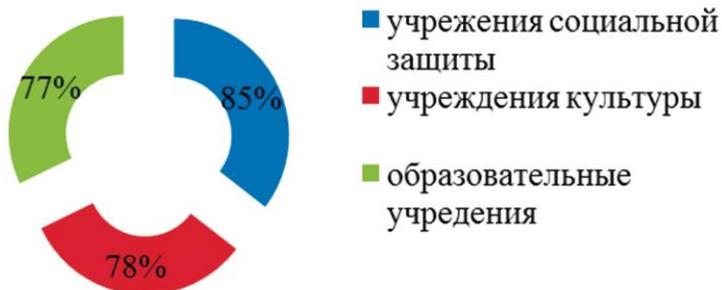
Табл. 3.1 Отношение общества к мигрантам

Отношение	Страна				
	Центральная Азия	Кавказ	Украина	Молдова	Другие страны
Дружественно	13.6%	24.6%	8.6%	16.8%	15.9%
Скорее дружественно	23.2%	9.5%	35.9%	34%	18.6%
Скорее НЕ дружественно	29.5%	16.8%	15.9%	17.3%	8.6%
НЕ дружественно	16.4%	31.4%	10%	7.7%	9.5%
Затрудняюсь ответить	15%	15.4%	16.8%	21.8%	33.6%

Приложение 3.1

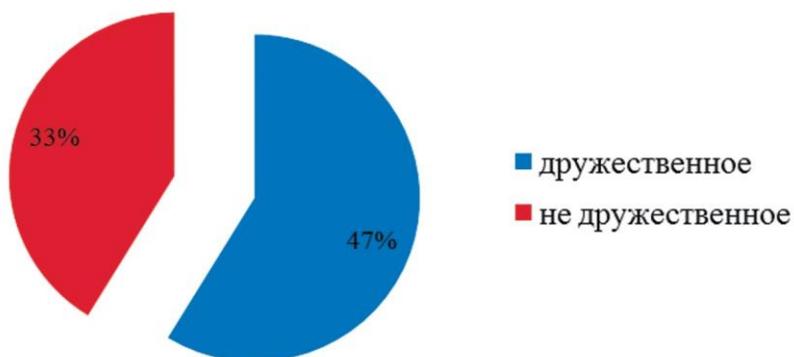
Отношение своей организации к мигрантам-сотрудникам

дружественное отношение

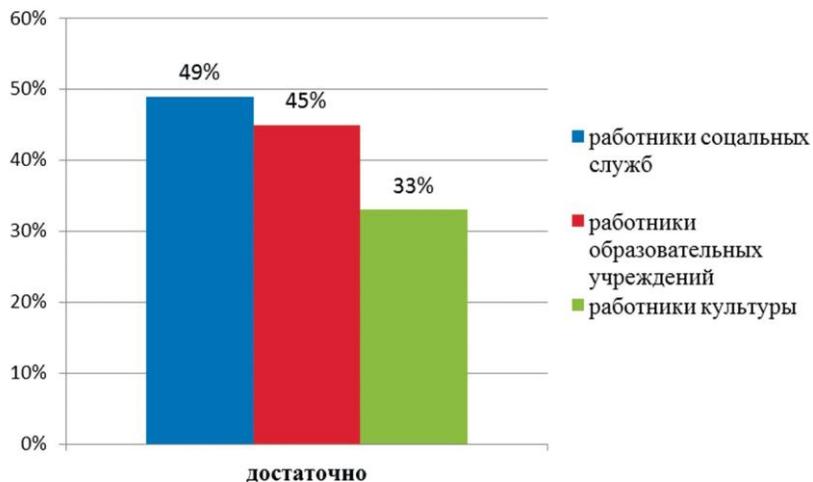
Приложение 3.2

Отношение общества к мигрантам

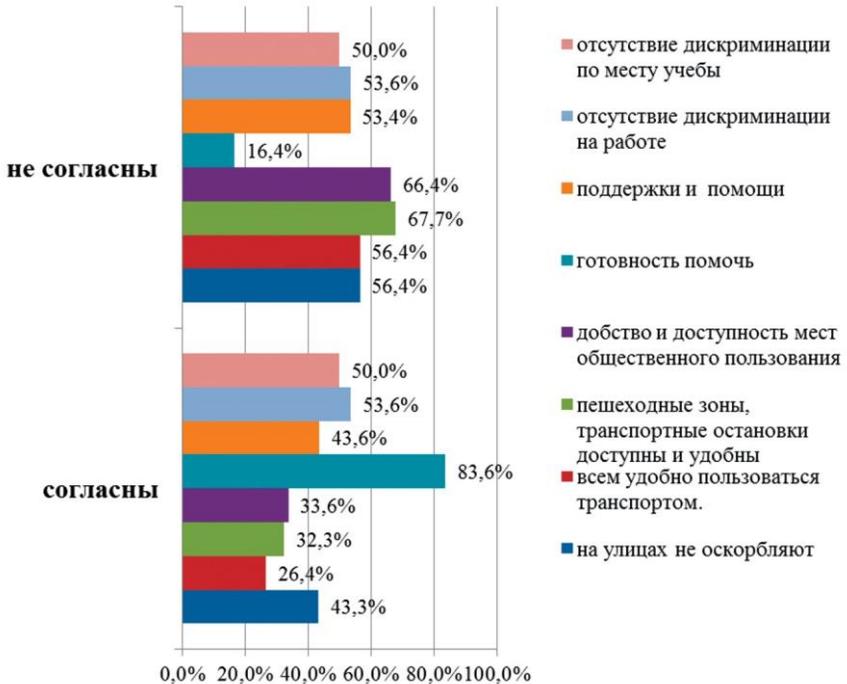

Приложение 3.3

Оценка участия государства в инклюзии мигрантов

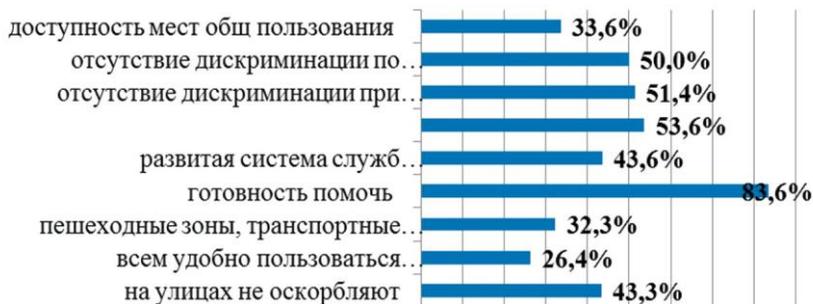
Дружественное отношение в понимании опрошенных инженеров

Приложение 4.1

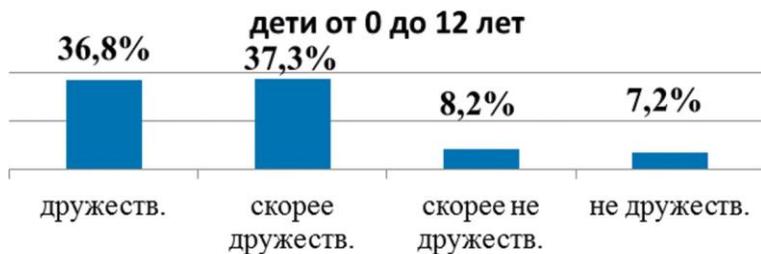
Проявление дружественного отношения

Дружественное отношение - это ...

Приложение 4.2

Отношение современного российского общества к детям в возрасте 0–12 лет

Приложение 5

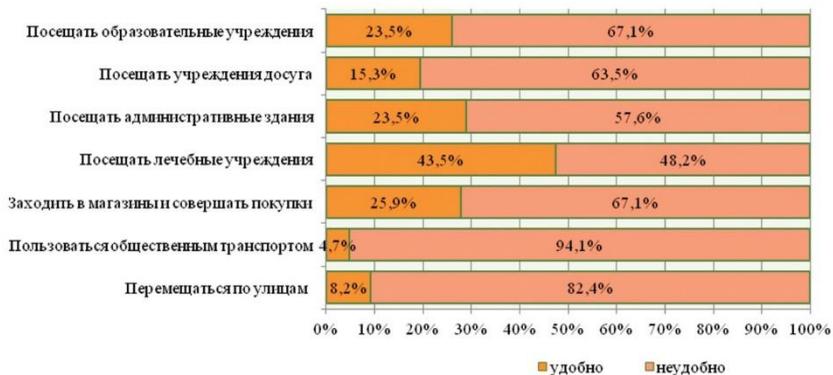

Рис. 1. Удобно ли в Вашем городе ИНВАЛИДАМ-КОЛЯСОЧНИКАМ?

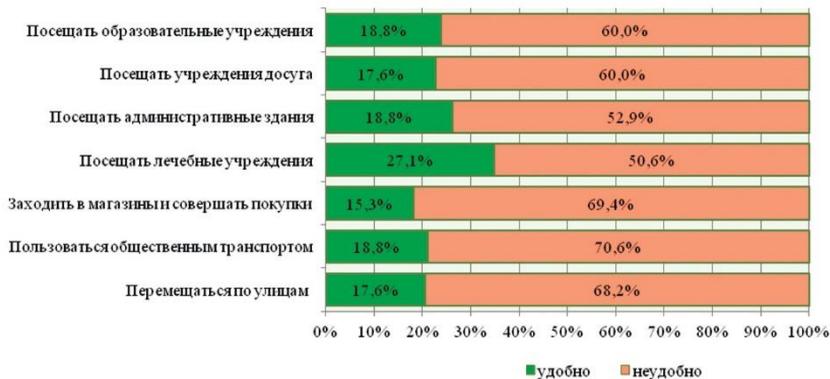

Рис. 2. Удобно ли в Вашем городе СЛАБОВИДЯЩИМ И СЛАБОСЛЫШАЩИМ ЛЮДЯМ?

Инклюзивная культура горожан: полевые данные (Нижнее Поволжье)

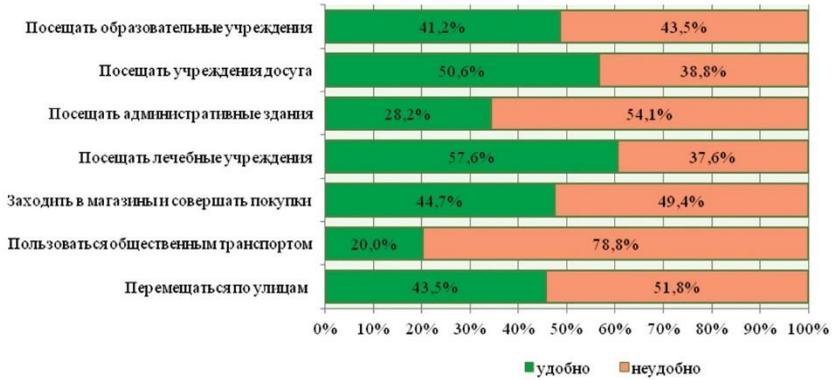

Рис. 3. Удобно ли в Вашем городе РОДИТЕЛЯМ С КОЛЯСКАМИ ИЛИ МАЛЕНЬКИМИ ДЕТЬМИ?

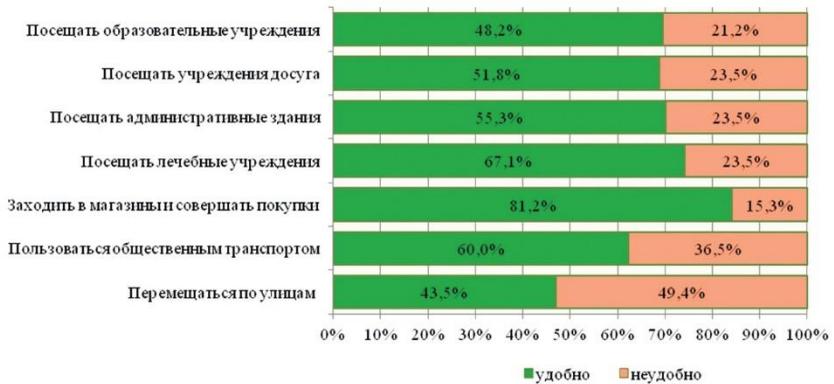

Рис. 4. Удобно ли в Вашем городе ПОЖИЛЫМ ЛЮДЯМ?

Приложение

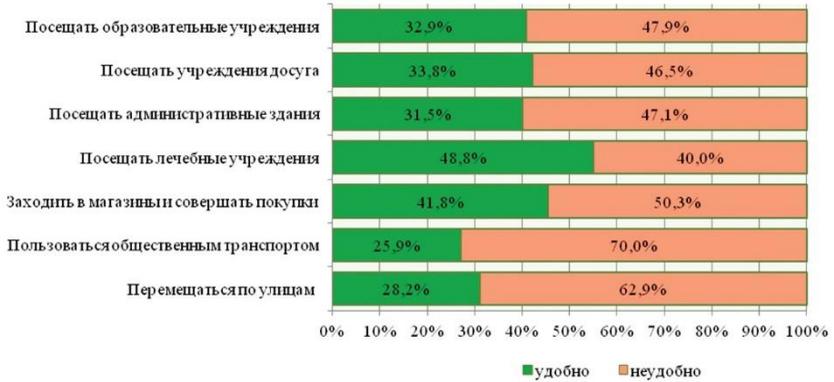

Рис. 5. Сводная оценка (среднее значение) удобства элементов городского пространства для всех указанных категорий

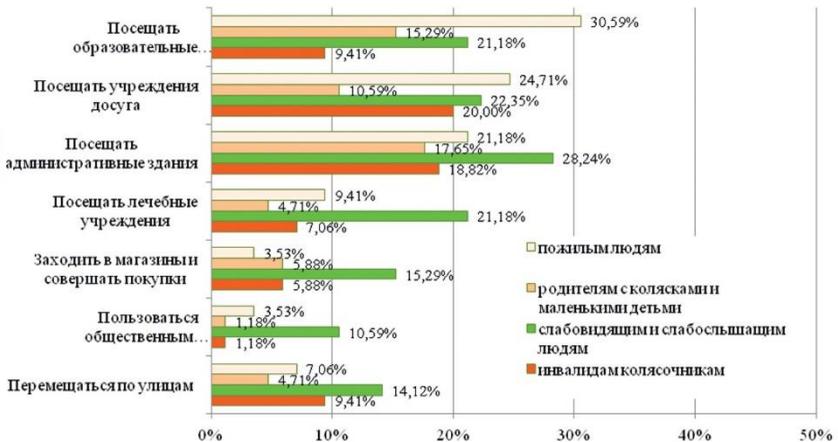

Рис.6. Ответы «не задумывался об этом» в вопросе «Удобно ли в Вашем городе...?»

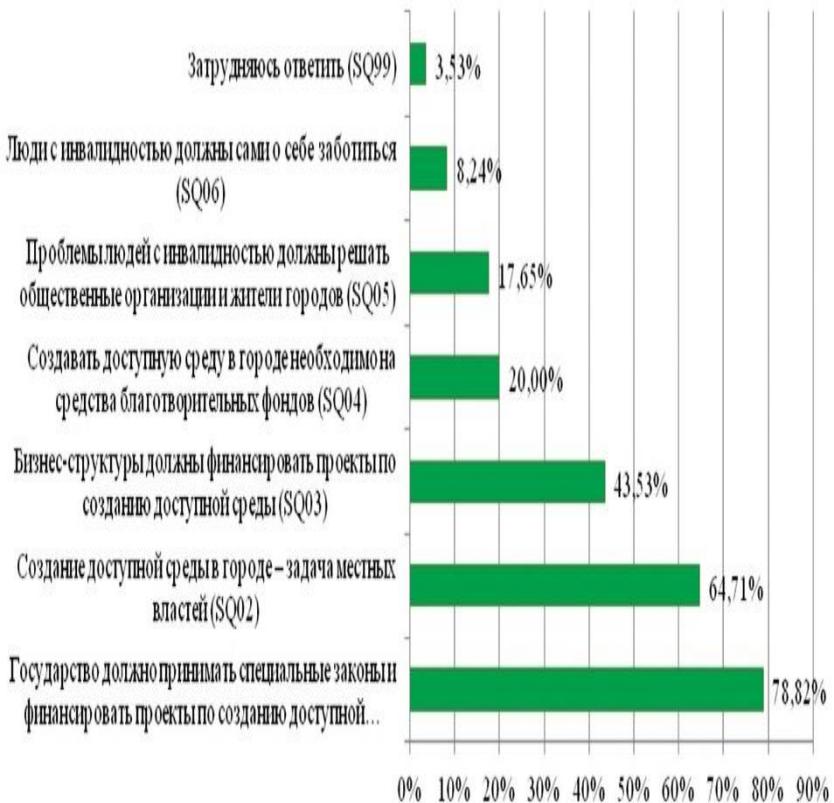

Рис. 10. Кто в большей степени должен быть включен в организацию доступной среды для маломобильных граждан?

Приложение

Табл. 2. Выразите степень согласия со следующими утверждениями...

	1 (полностью согласен)	2	3	4	5 (абсолютно НЕ согласен)	Нет ответа	Ср. балл
Люди с инвалидностью имеют право использовать возможности, которыми беспрепятственно могут воспользоваться здоровые люди	78,8%	8,2%	12,9%	0,0%	0,0%	0,0%	1,3
Помогать людям с инвалидностью должны только представители государственных (муниципальных) социальных служб	12,9%	4,7%	24,7%	16,5%	41,2%	0,0%	3,7

	1 (полностью согласен)	2	3	4	5 (абсолютно НЕ согласен)	Нет ответа	Ср. балл
Люди с инвалидностью не могут стать полноценными членами общества, поэтому не нужно создавать для них специальные условия	3,5%	2,4%	10,6%	15,3%	67,1%	1,2%	4,4
Решением проблем людей с инвалидностью должны заниматься некоммерческие общественные организации	5,9%	11,8%	36,5%	14,1%	30,6%	1,2%	3,5
Люди с инвалидностью должны объединяться и быть активными в решении своих собственных проблем	36,5%	22,4%	27,1%	9,4%	4,7%	0,0%	2,2

Инклюзивная культура горожан: полевые данные (Нижнее Поволжье)

В обществе существуют более важные проблемы, чем забота о людях с инвалидностью	4,7%	4,7%	23,5%	22,4%	41,2%	3,5%	4,0
Мигранты имеют право использовать все возможности, которыми пользуется местное население	15,3%	11,8%	31,8%	18,8%	20,0%	2,4%	3,2

Рис. 11. Приходилось ли Вам осуществлять какие-либо действия, направленные на помощь людям с инвалидностью?

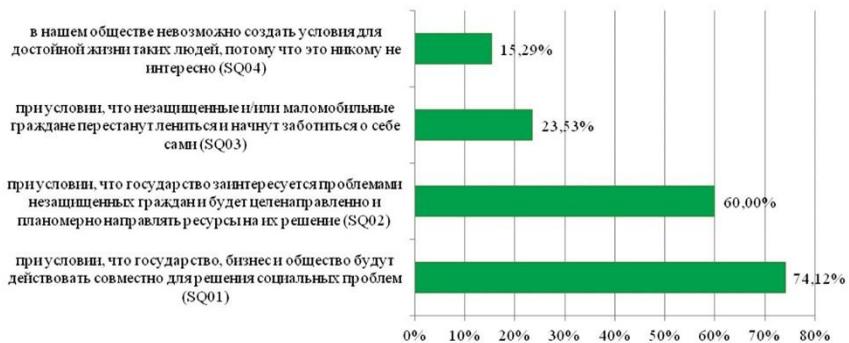

Рис. 12. Как Вы считаете, при каких условиях возможно улучшение качества жизни людей, чьи возможности на достойную жизнь ограничены?

Достаточно ли делает наше государство для того, чтобы такие люди чувствовали себя полностью включенными в жизнь общества и страны? (Взрослые с инвалидностью)

Рис. 17

Как Вы считаете достаточно ли государство делает, чтобы молодежь чувствовала себя включенными в жизнь страны и общества?

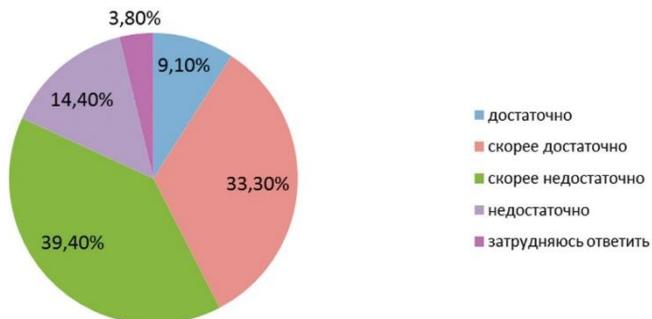

Рис. 18

Как Вы считаете достаточно ли государство делает , чтобы пожилые люди чувствовали себя включенными в жизнь страны и общества?

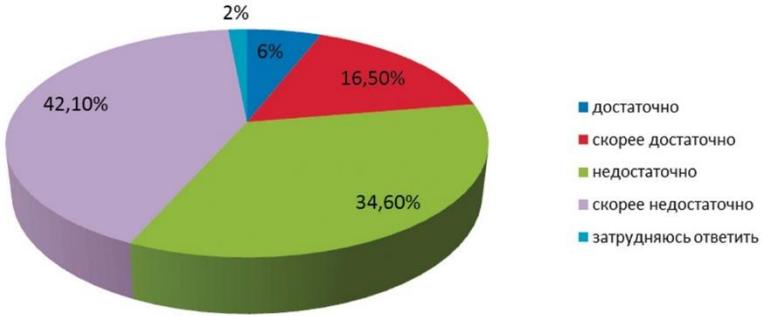

Рис. 19

Как Вы считаете достаточно ли государство делает , чтобы мигранты чувствовали себя включенными в жизнь страны и общества?

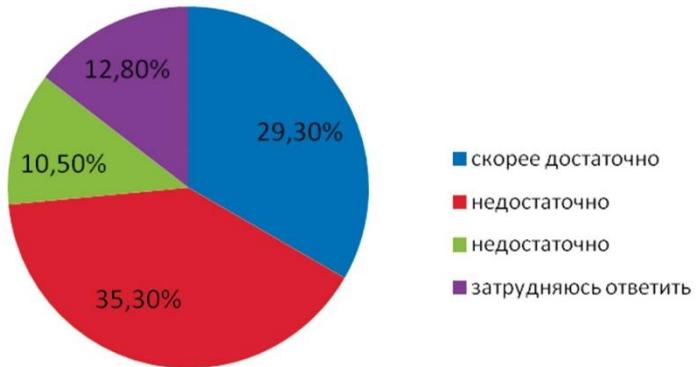

Рис. 20

**Детям с различными нарушениями здоровья лучше
обучаться в специализированных школах**

Рис.27

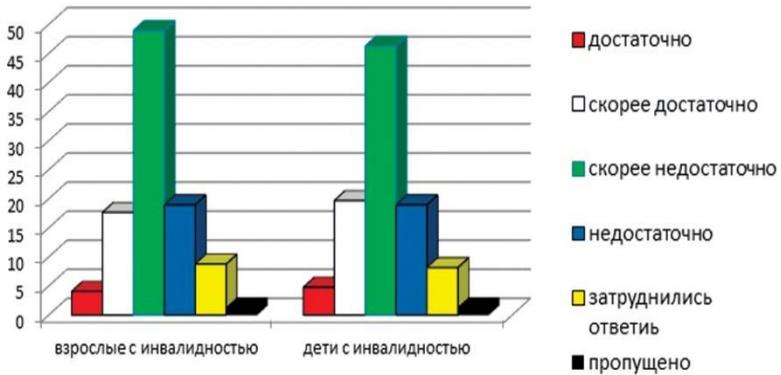

Рис. 28

Инклюзивная культура горожан: полевые данные (Нижнее Поволжье)

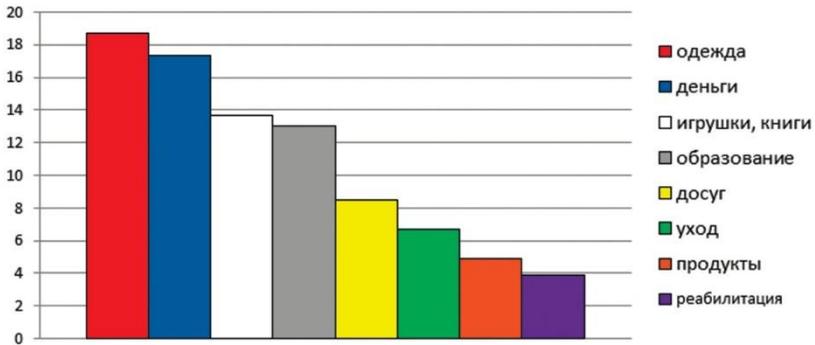

Рис. 29

Табл.11 Отношение общества к мигрантам

Страна / Отношение	Мигранты из Центральной Азии	Мигранты с Кавказа	Мигранты с Украины	Мигранты из Молдовы	Мигранты из других стран
Дружественно	13.6%	24.6%	8.6%	16.8%	15.9%
Скорее дружественно	23.2%	9.5%	35.9%	34%	18.6%
Скорее НЕ дружественно	29.5%	16.8%	15.9%	17.3%	8.6%
НЕ дружественно	16.4%	31.4%	10%	7.7%	9.5%
Затрудняюсь ответить	15%	15.4%	16.8%	21.8%	33.6%

Табл.12. Отношение общества к людям различных религий

Исповедание / Отношение	Православные	Мусульмане	Буддисты	Католики	Иудеи	Другие религии
Дружественное	48.6%	26.4%	15.9%	27.7%	22.3%	13.2%
Скорее дружественное	40%	40.9%	34.5%	26.4%	33.6%	15.4%
Скорее НЕ дружественное	1.4%	13.6%	6.8%	2.2%	10.9%	6.4%
НЕ дружественное	0.4%	3.6%	1.8%	3.6%	5%	4%
Затрудняюсь ответить	6.8%	12.3%	24.1%	20%	15%	42.7%

Приложение

Табл. 13. Отношение к студентам с особенностями

Особенность Отношение	Инвалидность	Внешние нац. признаки	Мигранты	нетрадиционная сексуальная ориентация	Пожилые	Родители мал. детей	Представители др. религий	Другие сотрудники
Дружественное	39.5%	43.2%	32.3%	12.3%	48.2%	50%	59.5%	45.9%
Скорее дружественное	35.4%	32.3%	32.3%	13.6%	30%	29%	29.5%	29%
Скорее НЕ дружественное	4.5%	9%	9.5%	24%	5.9%	5.4%	0.9%	3.2%
НЕ дружестве	6.4%	4.5%	5.9%	17.3%	3.2%	2.7%	2.3%	2.7%
Затрудняюсь ответить	12.7%	9%	17.7%	30.4%	9.5%	10.4%	5.4%	16.4%

Табл. 14. Отношение преподавателей к студентам с особенностями

Особенность Отношение	Инвалидность	Мигранты	нетрадиционная сексуальная ориентация	Пожилые	Родители мал. детей	Молодежь	Исповедующие др. религий	Другие пользователи
Дружественное	49%	37.3%	21.8%	19.5%	48.6%	50.9%	42.7%	21.8%
Скорее дружественное	26.8%	28.6%	14.5%	25.4%	26.8%	30.9%	25.9%	16.8%
Скорее НЕ дружественное	2.7%	10.9%	15%	3.6%	5%	3.6%	3.1%	2.3%
НЕ дружественное	4.5%	4%	13.2%	3.1%	2.7%	3.1%	4.5%	2.3%
Затрудняюсь ответить	14%	16.4%	32.2%	15.9%	15%	10.9%	20.9%	30.4%

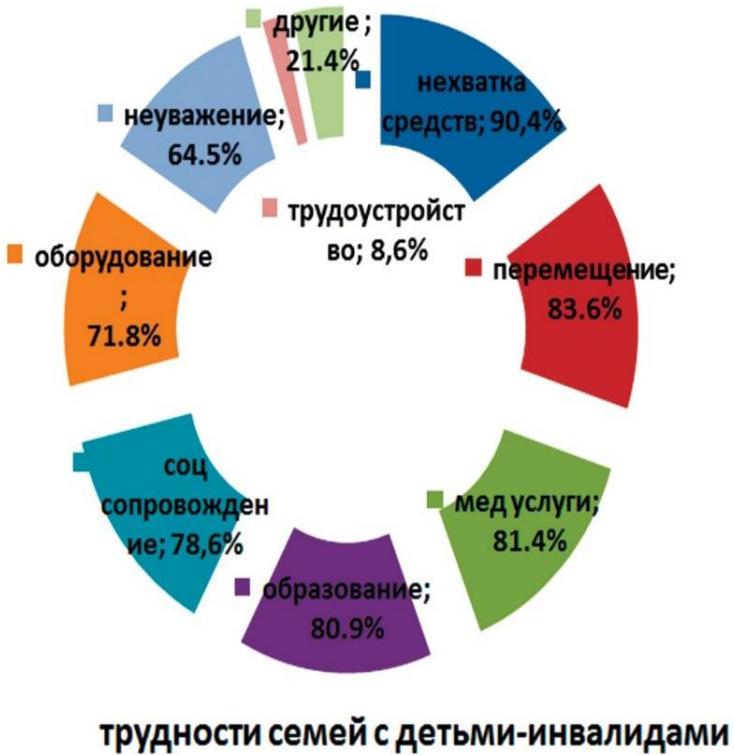
Табл. 15. Отношение респондентов к незнакомым людям с особенностями

Особенность \ Отношение	Взрослые с инвалидностью	Дети с инвалидностью	Нетрадиционная сексуальная ориентация	Пожилые	Родители мал. детей	Молодежь	Исповедующие др. религий	Другие
Дружественное	53.6%	60%	22.7%	58.6%	60.9%	51.4%	42.7%	20%
Скорее дружественное	30.9%	25.9%	18.2%	27.3%	24%	30.4%	28.2%	14%
Скорее НЕ дружественное	2.7%	3.2%	14.5%	3.2%	3.6%	6.4%	5.9%	4.5%
НЕ дружественное	20.4%	1.8%	20.9%	1.8%	2.7%	1.4%	1.8%	3%
Затрудняюсь ответить	7.7%	7.7%	20.4%	6.4%	5.4%	7.7%	15.9%	30.9%

Табл. 16. Достаточно ли государство делает для того, чтобы такие люди чувствовали себя полностью включенными в жизнь города?

	Скорее достат очно	Достат очно	Скорее НЕ достаточ	НЕ достато чно	Затрудня юсь ответить
Взрослые-инвалиды	9,5%	6.4%	39%	35.9%	3.4%
Дети-инвалиды	13.6%	19.5%	36,8%	35.4%	3.4%
Мигранты	24.5%	17.7%	19,5%	17.3%	16.4%
Дети-мигранты	24%	12.3%	18,6%	19.9%	17.7%
Люди с нетрадиц. секс. ориент.	7.2%	10.3%	14%	27.7%	40%
Пожилые	8.6%	15.4%	32,7%	38.6%	6.8%

Рис. 35 Трудности семей с детьми-инвалидами

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 209–234.
- Астоянц М., Россихина И. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия ЮФУ. 2009. №12. С. 72–78.
- Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация). Азов: Азов-Печать, 2009. 272 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Бессчётнова О.В. Сиротство в современном российском обществе: институциональные аспекты / под ред. О. А. Волковой. 2016. Саратов: Саратовский источник. 168 с. ISBN: 978-5-91879-660-3
- Блюдина У. Молодежные культуры, масс медиа и феномен «моральных паник» // Другое поле: Социологические практики / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневожский научный центр, 2000. 236 с.
- Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
- Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. Т. 27. № 1. С. 114–134.
- Бурганова Л.А. Теория управления Элтона Мэйо: монография / Л.А. Бурганова, Е.Г. Савкина. Казань: КГТУ, 2007. 160 с.
- Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Пер. с нем. Воронцова М. // Социо-Логос / Под. ред. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 2012. №4. С. 67-72.
- Вебер М. Город // Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.

- Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН. 2005. С. 93–118.
- Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Пер. с англ. М.: Strelka, 2016.
- Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. М. 2011. 223с.
- Воронова О.В. Становление и развитие инклюзивного образования. Историко-генетический аспект // Вестник самарского университета. Том 23. №2, 2017. С.37-45.
- ВЦИОМ: Мигранты в России: эффекты присутствия. Пресс-выпуск №3254. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473> (дата обращения 03.11.2019).
- ВЦИОМ: Отношение россиян к мигрантам. Пресс-выпуск №2957. URL:<https://mresearcher.com> (дата обращения
- Выготский Л.С. Проблемы дефектологии. М.: Просвещение, 1995.
- Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 525 с.
- Григорьева И. А., Видясова Л.А., Дмитриева А.В., Сергеева О.В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. СПб.: Алетейя. 2015. 336 с.
- Деинституционализации детских домов 2011 Социально-педагогическая реабилитация детей-сирот. Монография. Вестник ТОГИРРО, №4(16). Тюмень: ТОГИРРО, 2011. 140 с. ISBN 978-5-89967-485-3
- Деррида Ж. Позиции. Пер. с фр. В.В. Бибикина. М.: Академический проект, 2007.
- Добровольская В.Е. Мнимая инвалидность в русской волшебной сказке // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. №1. 2016. С.46-54.
- Доклад Государственного Совета РФ «Образовательная политика России на современном этапе» 2001 г. URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21905> (дата обращения 26.10.2019).
- Дополнительное образование молодых инвалидов в контексте приоритетов социально-экономического развития / Под

ред. Е. Ярской-Смирновой, П.Романова. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ», № 196. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2007. 256 с.

- Зайцев Д.В. Интегрированное образование как направление модернизации системы образования России // Интеграция образования. 2003. №4. С. 45–51.
- Зайцев Д.В. Концептуальные основы государственной политики по социальной интеграции детей с ограниченными возможностями // Отечественный журнал социальной работы, 2004. №5. С. 25-31.
- Закон об образовании. URL:<https://base.garant.ru/10164235/> (дата обращения 20.11.2019).
- Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.
- Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: МОНФ, ЦСПГИ. 2008. 335 с.
- Исаева Е., Соколов А. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3. С. 107–112.
- Исаева Е., Соколов А. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи?
- Каган М.С. Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема // Народное образование. 2002.
- Казарян В.П. Темпоральность и естественные науки // На пути к пониманию феномена времени: конструкции времени в естествознании. Ч. 3. Методология. Физика. Биология. Математика. Теория систем / Под ред. А.П. Левича. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Клепикова Анна. Наверно, я дурак. СПб.: Европейский университет в СПб, 2019. 432 с.
- Клулт М.А. Социальные различия в отношении к иммиграции в России и странах Запада. Социологические исследования. 2018. №. 1. С. 112–120.

- Кононенко Р.В. Дилеммы профессионализации приходской социальной работы в государстве благосостояния // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С.369-376.
- Конт О. Дух позитивной философии // Западноевропейская социология XIX века: Тексты/ Под ред. В.И. Добренькова. М.: МУБУ, 1996.
- Костерина И.В. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // ЖССА, 2008, № 4, С. 122–140.
- Коуж (2016), ‘Comprehensive monitoring of the living conditions of the population’, available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html (accessed 04 February 2019).
- Кравченко С. А. Интегральная концепция социологии жизни (о книге Ж.Т. Тощенко «Социология жизни») // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 163–167.
- Крецул Р., Нодельман В. Для детей-инвалидов приспособлена лишь одна из пяти школ. URL:<https://iz.ru/719566/romankretcul-valeriia-nodelman/dlia-detei-invalidov-prisposoblenna-lishodna-iz-piati-shkol> (дата обращения 14.10.2019).
- Лапшина Т.В., Константинов В.В. Отношение к мигрантам представителей принимающего сообщества в зависимости от типа проживания мигрантов // Интернет-журнал «Мир науки», 2016.
- Левада центр (2018) В России выросли ксенофобные настроения. Доступно: <https://www.levada.ru/2018/08/27/v-rossii-vyrosli-ksenofobnye-nastroeniya/> (дата обращения к ресурсу: 14.11.2019).
- Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс, 2002, N10. С. 79–87.
- Макнотен Ф. и Урри Дж. Социология природы. Перевод с англ л. А. Д. Ковалева // Теория общества / ред. А. Ф. Филиппов. М.: КАНОН-пресс, 1999.

- Макнотен Ф. и Урри Дж. Социология природы. Перевод с англ. А. Д. Ковалева // Теория общества / ред. А. Ф. Филиппов. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. 416 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 7–533.
- Мау В. Интеллигенция, история и революция Очерки жизни современной России // Новый Мир. 2000, №5.
- Мейлахс П. Четвертая мировая война или очередная моральная паника? / «Нева» 2004, №1 <http://magazines.russ.ru/neva/2004/1/>
- Мерквиладзе Ия. Сексуальные права и моральная паника / OWL.RU: Информационный портал «Женщина и Общество» 26–06–2005 – дискуссия на конференции Университета Сан-Франциско в Калифорнии / <http://www.owl.ru/cgi/Content/runbroker.cgi>;
- Мещерякова, Н. Н., Роготнева, Е. Н., Гончарова, Н. А. (2018). Факторы выбора профессии студентами-инвалидами: исследование методом нарративного интервью. Вопросы психологии, (4), 56–64.
- Минобрнауки России. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598. URL: <https://base.garant.ru/70862366/> (дата обращения 15.03.2019).
- Минтруд 2017 Минтруд России подготовил законопроект о сопровождаемом содействии занятости инвалидов. Минтруд России, 03.05.2017. URL: <https://rosmintrud.ru/social/invaliddefence/375> (дата обращения 24.10.2019)
- Михайлова Л.И. (2010) Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования, 3. С. 45–50.
- Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2018. №4. С.78–84.
- На пути устойчивого развития общества и социального благосостояния: поиск ответов на вызовы современности.

(2016) / Под ред. Е. И. Холостовой. М.: Правительство Москвы; ИДПО работников социальных служб. 180 с.

- Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: Вариант. 2012. 342 с.
- Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. №8. С. 12-21.
- Николаев В.В. Народная культура в процессе реабилитации детей-инвалидов // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус, № 2 (10), 2006. С.63-65
- Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.
- Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. УлГУ, 2004.
- Омельченко Е. Смерть молодежной культуры и рождение стиля «молодежный» // <http://www.polit.ru/research/2006/10/26/omelchenko.html>
- Оставная А.Н. (2017) Мигранты в восприятии россиян: анализ результатов исследований общественного мнения // Научные труды КубГТУ. № 6. С. 286–293.
- Отношение общества к детям с ограниченными возможностями здоровья и детям-инвалидам. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2017.
- Отставная А.Н. Мигранты в восприятии россиян: анализ результатов исследований общественного мнения // Научные труды КубГТУ. 2017. № 6. С. 286–293.
- Оценка результативности, эффективности и качества деятельности учреждений социальной населения / Под. ред. П.В.Романова, Е.Р.Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, ЦСПГИ, 2007. 118 с.
- Павловский Г. Век XX и мир: урановый могильник российской интеллигенции. URL: <http://www.russ.ru> / 20010116 (дата обращения 23.10.2019).
- Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. №2(3). С. 3–12.
- Парк Р. Избранные очерки: Сб. переводов. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и соц. психологии. Отв. ред. Ефременко Д. В. М., 2011. 320 с.

- Пилкингтон Х.А., Старкова Е. «Продвинутые» и «нормальные» стратегии глобальной жизни // Человек. Сообщество. Управление. 2004, №1. С. 84–103 / Pilkington H. et al. Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2002.
- Пипия К. (2017) Отношение к трудовым мигрантам // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru> (дата обращения
- Подготовку по социальной работе в Саратовском государственном техническом университете имени Гагарина Ю.А. необходимо восстановить // Отечественный журнал социальной работы. 2017, № 2, С. 174–178.
- Постановление Минтруда РФ от 14 декабря 1996 г. № 14 «Об утверждении примерного положения об индивидуальной программе реабилитации инвалида» (не действует). URL:<https://base.garant.ru/186351/> (дата обращения 26.10.2019).
- Право на жизнь в обществе: механизмы образовательной интеграции детей-инвалидов / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой, А. Галаховой. Саратов: ЦСПГИ, Научная книга, 2007. 162 с.
- «Преступление и наказание» несовершеннолетних правонарушителей. Мнения населения и экспертов. СПб. Саратов – Ульяновск: ЦНСИ. 2004. 150 с.
- Пригожин И., Стенгерс И. Достижения и просчёты: философский анализ. М.: Просвещение, 2008. 363 с.
- Приказ Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. N1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» URL: <https://base.garant.ru/70862366/> (дата обращения 12.10.2019).
- Профессиональная культура российской интеллигенции / Под общей ред. Ж. Т. Тощенко / М.: РГГУ, 2017. С. 273–283.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е. Власть знания и общественные интересы: профессионалы в государстве благосостояния. П.В. Романов, Е.Р. Ярская-Смирнова (ред.) Профессии социального государства. М.: Вариант, ЦСПГИ. 2013. С. 7–20.

- Романов П.В., Яковлева В.В. Корпоративная социальная политика: частные решения общих проблем // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С. 97–105.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. (2011) Тело и дискриминация: инвалидность, гендер и гражданство в постсоветском кино // Неприкосновенный запас. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/2/гоб.html> (дата обращения 24.09.2019).
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации. М.: МОНФ, ЦСПГИ, 2008.
- Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.
- Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. №6. С. 13–23.
- Россия в глобальном контексте. Статьи российских социологов для участников русского форума на XV Всемирном конгрессе социологов, Брисбейн, Австралия. М.: РИЦ ИСПИ-РАН, 2002.
- Россия: трансформирующееся общество. Ред. В. А. Ядов. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 640с.
- Росстат (2018) Положение инвалидов, 13.04.2018, http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (accessed 04 February 2019).
- Рубникович М. Среда ожидания: что мешает инвалидам в России путешествовать и почему одним развитием инфраструктуры здесь не поможешь / Известия. 15.09.2019//<https://iz.ru/920542/mariia-rubnikovich/sreda-ozhidaniia-cto-meshaet-invalidam-v-rossii-puteshestvovat>. Дата обращения: 08.11.2019.
- Рябинченко Т.А., Лебедева Н.М. Отношение к иммиграции и субъективное благополучие принимающего населения // Общественные науки и современность. 2014. №2. С. 34–44.
- Савинская О.Б., Баллаева Е.А. Цымбаленко А. Б. Негосударственное дошкольное образование в России: оценка программ господдержки, правового регулирования и перспектив развития. М.: Лекс-Праксис, 2013.

- Семёнова В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009. 271с.
- Скатова В.В. Методологический анализ процесса социализации воспитанников сиротских учреждений // Вестник Томского государственного университета. 2008. №312. С. 54–57.
- Скотт Дж. Благими намерениями государства. Пер. с англ. Э.Н. Гусинского, Ю.И. Турчаниновой. М.: Университетская книга, 2005. 568с.
- Соколов М. Как писать этнографию молодежной субкультуры / <http://subculture.narod.ru/texts/unpublished/sokolov/>
- Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. №6. С. 7-15.
- Социальная сплочённость как категория темпорализма в контексте современности: коллективная монография / Науч. ред. В. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2017. 464 с.
- Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель / Науч. ред. В.Н. Ярская. Саратов: СГТУ, 2017. 150 с.
- Социология молодежи в контексте социальной работы: кол. моногр. / В. Н. Ярская, Л. С. Яковлев, А. Ю. Слепухин и др. / Под ред. В. Н. Ярской / Саратов: СГТУ, 2004. 340 с.
- Страдзе А.Э. Интеграция социологических подходов к исследованию молодежной политики // Социально-гуманитарное знание, № 10, 2008. С. 53-59.
- Стратегия РФ – URL::<https://strategy24.ru/rf/news> (дата обращения 23.10.2019).
- Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14.
- Тощенко Ж. Т. Смыслы как качественная и сущностная характеристика социологии жизни // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 67–77.
- Тощенко Ж.Т. Новые горизонты социологического знания (гендерные исследования в социологии) // Социологические исследования. 2000. №11. С. с.3–14.
- Троицкий С.А. Философия старости: геронтософия. Сб. материалов конференции. СПб.: Санкт-Петербургское философ-

ское общество, 2002. С.66–69 <http://anthropology.ru/ru/texts/troitskysa/gerontos/24.html>

• Урри Дж. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. №2. С. 3 - 14.

• Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 29.07.2019). URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения 20.10.2019).

• Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения 20.10.2019).

• Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Отчет о деятельности фонда за 2017 г. URL: <http://fond-detyam.ru> (дата обращения 13.06.2019).

• Фрейре П. Педагогика угнетенных, ч.2 / <http://www.iatp.kharkov.ua/vburluk/rc/rc43htm> (Freire P. Pedagogy of the Oppressed. N-Y: Continuum International Publishing Group), 2000.

• Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. Б.Скуратова. М.: Праксис, 2006. 384 с.

• Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.

• Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В. В. Библихин. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.

• Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества. М.: Высшая школа, 1991. 192 с. ISBN: 5-06-002425-3

• Хартблей К. Добро пожаловать в Сергеичбург: крипмаскулинность и «комедия признания» в России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 1. С. 111-126.

• Чернова Ж. Семья и родительство: дискурсивные предписания и практики // Журнал исследований социальной политики. 2012. № 3. С.293–295.

• Шестопалова Ю. Безбарьерная среда для маломобильных граждан как объект социального проектирования // Интернет-журнал «Науковедение». 2011. №6.

- Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева, под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
- Ярская В. Н. Инклюзия – новый код социального равенства // Образование для всех: политика и практика инклюзии. Саратов: Научная книга, 2008. С. 11–16.
- Ярская В. Н. Меня можно назвать агентом социального образования / Интервью В. Щерблановой / Социологический журнал. 2005, № 2. С. 157–174.
- Ярская В. Н. Экзистенциальные смыслы и гражданские перспективы социального образования // Журнал исследований социальной политики. Том 2. № 3. 2004. С. 347–362.
- Ярская В. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. Том 1. № 1. 2003. С. 11–28.
- Ярская В., Зайцев Д., Ярская-Смирнова Е.Р., Божок Н. и др. Социальное время как организатор сплочённости в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель: коллективная монография / Науч. ред. В. Ярская. Саратов: СГТУ, 2017. 364 с.
- Ярская В.Н. Дискурс времени как культурный код памяти и поколенческий контракт // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. IV Очередного Всеросс. социологического конгресса / РОС, ИСРАН, АНРБ, ИСПИИ. М.: РОС, 2012 (электронное издание).
- Ярская В.Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна. Саратов: Научная книга, 2005. С. 199–209.
- Ярская В.Н. Образование, инвалидность, молодежь: три проблемных поля // Инвалидность в контексте становления гражданского общества. Ставрополь: СевКавГТУ, 2006. С.33–39.
- Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент: проблемы анализа // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. №1. С. 11–28.
- Ярская В.Н. Социология времени жизни в дискурсе инклюзии: теоретико-методологические основы постановки проблемы / Ж. Тощенко (ред.) Социология жизни: теоретические основания и социальные практики. М.: РГГУ, 2016.

- Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивная культура социальных сервисов // Социологические исследования, 2015. №12. С. 133–140.
- Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р. Инклюзивная культура как атрибут профессиональной культуры // Профессиональная культура российской интеллигенции / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: РГГУ, 2017. С. 273–283.
- Ярская, В. Н. Инклюзия как важный принцип социальной работы / В. Н. Ярская // Отечественный журнал социальной работы. 2012. № 4. С. 41–46 .
- Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская-Смирнова В. Н. Социальная сплоченность: направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Вып. № 4 (75). Т. XVII. № 4 (75). С. 41–61.
- Ярская-Смирнова Е., Карпова Г., Ворона М. Веселые, непонимающие и бессердечные? О феномене Питера Пэна // Неприкосновенный запас. 2008. №6(62). С. 161–177.
- Ярская-Смирнова Е.Р. Класс и гендер в дискурсе социального государства // Отечественный журнал социальной работы. 2013. № 1. С.87–89.
- Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов-на-Дону: Феникс. 2004. 295 с.
- Ainscow M., Sndill A. Developing inclusive education Systems: The roleof organizational cultures and leadership. International Matematics and Science Study. Chestnut Hill, MA: Bostoon College, 2018.
- Alvesson M., Berg P. Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate. Howthorne, NY: Wolter de Gruyter, 1992.
- Baudrillard, J. The Mirror Of Terrorism. In: Baudrillard, J. The Transparency of Evil: Essays on Extreme Phenomena. London: Verso, 1993. P. 75–80.
- Bauman Z. Work, consumerism and the new poor, 2001, Chapter 3. The rise and fall of the welfare state. P. 45–62.
- Bell M. P., Ozbilgin M. F., Beauregard A. T., & Surgevill O. Voice, silence and diversity in 21st century organizations: Strate-

gies for inclusion of gay, lesbian, bisexual, and transgender employees. *Human Resource Management*. 2011. № 50(1). P. 131–146.

- Bernstein B. *Class, Codes and Control, Volume 1*. London: Routledge & Kegan Paul. 1971.
- Blank T.J., Kitta A. (eds) *Diagnosing Folklore: Perspectives on Disability, Health, and Trauma*. Jackson: University Press of Mississippi, 2015.
- Bond M. The Council of Europe in the bigger European picture. Edited by Thomas G. Weiss. The CUNY Graduate Center, New York, USA. and Rorden Wilkinson. University of Manchester, UK. P. 4–21.
- Booth T., & Ainscow M. (2002). *Index for inclusion: Developing learning and participation in schools*. Centre for Studies on Inclusive Education (CSIE), Rm 2S203 S Block, Frenchay Campus, Coldharbour Lane, Bristol BS16 1QU, United Kingdom, England (24.50 British pounds).
- Bourdieu P. and Passeron J. C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. Beverly Hills: Sage. 1977 [1970].
- Bovens M., Anchrit W. *Diploma Democracy. The Rise of Political Meritocracy*. Oxford: Oxford University Press. 2017.
- Buch G., Valeo A. *Inclusion: Recent Research*. Toronto: Inclusion Press. 1997.
- Buch G., Valeo A. *Student Attitudes Toward Peers with Disabilities in Inclusive and Special Education Schools*. *Disability and Society*. 2004. N19 (1). P. 61–76.
- Butenko, A., Chistokhina, A. *Inclusion education: analysis of Russian teachers expectations and important aspects of school personnel training*. *Revista Electrónica Interuniversitaria de Formación del Profesorado*. 2015. N18 (1). P. 201–209.
- Calem J. *In An Old Folk Tale, A Message Of Inclusion For Today*, February 27, 2018 <https://jewishweek.timesofisrael.com/in-an-old-folk-tale-a-message-of-inclusion-for-today/>
- Certeau M. de. *The Practice of Everyday Life*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
- Chepel T., Aubakirova, S., Kulevtsova, T. *The study of teachers' attitudes towards inclusive education practice: The case of Russia*. *The New Educational Review*. 2016. N45(3). P. 235–248. URL:

https://expert.taylors.edu.my/file/remis/publication/100231_941_1.pdf#page=235 (дата обращения 24.04.2019).

- Chorbot-Mason, D., Ruderman, N. M., & Nishii, H. L.. Leadership in a diverse workplace. In M. Q. Roberson (Ed.), *The Oxford handbook of diversity and work* (pp. 315–340). New York: Oxford University Press. 2013.
- Cochrane A. Comparative approaches and social policy (issues of convergence) // *Comparing welfare states: Britain in international context* / Ed.by A. Cochrane, J. Clarke. London: Sage and Open University Press, 1994. P. 1–17.
- Corbett J. Supporting Inclusive Education: a connective pedagogy. London: DFEE URL: <http://www.nc.uk.net> (дата обращения 20.10.2019).
- Cottrill K., Lopez P. D., & Hoffman C. C. How authentic leadership and inclusion benefit organizations. *Equality, Diversity and Inclusion*, 2014. 33(3), 275–292.
- Council of Europe. *Constructing an Inclusive Institutional Culture: Methodological Guide: Intercultural Competences in Social Services*. Strasbourg: Council of Europe. 2011.
- Zaviršek D. (2004), “Surviving ethnicity and disability – minority children in public care”. In: Trygged, Sven (ed.). *Moving away from residential care : reports from the 2nd Conference on children and residential care*, Stockholm, May 2003. Stockholm: Stockholm University, Department of social work, pp. 23–37.
- Dempster H., Hargrave K. Understanding public attitudes towards refugees and migrants. Working paper 512. London: Chatham House, 2017.
- Esping-Andersen G. *The Three worlds of welfare capitalism*. Cambridge: Cambridge university press, 1990. 264 p.
- Evans J., Jones Ph. (2011) *The walking interview: Methodology, mobility and place* // *Applied Geography*. № 31. P. 850 - 876.
- Evetts J. *The Concept of Professionalism: Professional Work, Professional Practice and Learning* // *International Handbook of Research in Professional and Practice-based Learning*. 2017. P. 29–56.

- Gillborn D. Reform, racism and the centrality of whiteness: Assessment, ability and the ‘new eugenics’ // *Irish Educational Studies*. 2010. Vol. 29. P.121–135.
- Göransson K., Nilholm. Conceptual diversities and empirical shortcomings – a critical analysis of research on inclusive education // *European Journal of Special Needs Education*. 2014. Vol. 29. P.77–89.
- Gurvitch G. The problem of time, in Hassard (ed). *The Sociology of Time*. New York: St Martin’s Press, 2018. 272 p.
- Hays-Thomas, R., & Bendick, M. Professionalizing diversity and inclusion practice: Should voluntary standards be the chicken or the egg? *Industrial and Organizational Psychology*. 2013. N6(3).
- Hellwig T., Sinno A. Different groups, different threats: public attitudes towards immigrants. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017. № 43(3). P. 339–358.
- Iarskaia E., Yarskaya V. Professionalization of social work in Russia: recent developments // *Research Committee 52 Professional Groups Newsletter*, Novemb. 2014. P. 48–53.
- Iarskaia-Smirnova, E., Romanov P. Perspectives of inclusive education in Russia // *European Journal of Social Work*. 2007. N10(1). P. 89–105.
- Imrie R, Hall P. *Inclusive design*. London: Routledge. 2001.
- James D. Wright (editor-in-chief), *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*, 2nd edition, Vol. 22. Oxford: Elsevier. 2017. P. 807–812. ISBN: 9780080970868 Copyright
- Jones, P. Situating universal design architecture: designing with whom? *Disability Rehabilitation*, 2014. № 36(16). P. 1369–1374.
- Ketrish, E. V. et al. Building of Projecting Competence among Future Teachers in the Conditions of Introduction of Inclusive Education. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. No 11(15). P. 8237–8251.
- Kochan D. (Re)placing migrants mobility: A multi-method approach to integration space and mobility in the study of migration. *Migration studies*. 2016. № 4(2). 215–237.

- Kohli M. The generational contract: a social model under pressure // European Sociological Association (ESA) University of Geneva & Swiss Sociological Association Abstract Book / Geneva 2011 / ESA 10th Conference / Social Relations in Turbulent Times.
- Kononenko R.V., Karpova E.J. Collective identity and social capital of the contemporary Russian folklore movement // *Anthropology of East Europe Review*. 2012. Vol. 30. No. 2. P. 77-90.
- Lid I.M., Solvang P.K. (2016) (Dis)ability and the experience of accessibility in the urban environment. *ALTER, European Journal of Disability Research*, 10. P. 181–194.
- Martz, E. An exploratory study on attitudes toward inclusive education in Russia. *International Journal of Rehabilitation Research*. 2005. No 28(2). P.141–147.
- Matthews R. *Doing Time / An Introduction to the Sociology of Imprisonment*. Middlesex University. Enfield, 1999.
- Merry S.E. *Urban Anthropology*. Barfield Th. (ed.) *The Dictionary of Anthropology*. Blackwell publishers. 1997. P. 479–480.
- Mickelson R. Twenty-first century social science on school racial diversity and educational outcomes. *Ohio State University // Law Journal*. 2008. No 69. P. 1173–1227.
- Oliver M. *The politics of disablement*. London: Macmillan Education, 1990.
- Owen M.J. *Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series*. London: Sage, 1996.
- Park Y., Bhuyan R., Richards C., Rundle A. U.S. Social Work Practitioners' Attitudes towards Immigrants and Immigration: Results from an Online Survey // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2011. №. 9. P. 367–392.
- Peters S., Johnstone C., Ferguson P. A Disability Rights in Education Model for evaluating inclusive education // *International Journal of Inclusive Education*. Vol. 9. 2005. P. 49–55.
- Pivik et al. Barriers and facilitators to inclusive education // *Exceptional children*. No 69(1). 2002. P. 97–107.
- Prime J., & Salib E. R. *Inclusive leadership: The view from six countries*. *Catalyst*, May 7, New York, 2014.

- Ray L. Italy: Too little time and space for childhood / Unicef // Istituto degli innocenti di ferenze, 1992. P. 185–196.
- Riddell, Sh. ‘Developing a Critical Sociology of Special and Inclusive Education: The Contribution of Sally Tomlinson’, in Jones, P. & Danforth, S. Foundations of Inclusive Education Research. (Emerald Group Publishing Limited). 2015.
- Rouse M., Lapham K. (eds). Leaning to See Invisible Children: Inclusion of Children with Disabilities in Central Asia. New York. Open Society Foundations, 2013.
- Savinskaya, O. The Parents’ Values of Early Childhood Education and Care in Russia: Discovering the Dimensions via Coding and Category Clustering. The Qualitative Report, 2017.
- Schein E. The Mortal Hero: An Introduction to Homer’s Iliad. Berkeley, Los Angeles & London, 1984.
- Schein, E. H. Organizational Culture and Leadership (JosseyBass Business & Management Series). Jossey Bass Incorporated, 2004.
- Schwartzman, H.B. (1993) Ethnography in organizations. Newbury Park, London, New Delhi: Sage.
- Stepaniuk I. Inclusive education in Eastern European countries: a current state and future directions. International Journal of Inclusive Education, 2018. P. 1–25. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13603116.2018.1430180> (дата обращения 10.10.2019).
- Stepaniuk, I. (2018) Inclusive education in Eastern European countries: a current state and future directions // International Journal of Inclusive Education, 1–25, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13603116.2018.1430180>
- Tartakovsky E., Sophie D. Walsh. Testing a New Theoretical Model for Attitudes Toward Immigrants. The Case of Social Workers’ Attitudes Toward Asylum Seekers in Israel. First Published. Nov. N5. 2015. P.29–41.
- Tartakovsky E., Walsh S.D. Testing a New Theoretical Model for Attitudes toward Immigrants. The Case of Social Workers’ Attitudes toward Asylum Seekers in Israel. Journal of Cross-Cultural Psychology. 2016. №. 47(1). P. 72–96.
- Valeeva L. A. The current state of special needs education in Russia: inclusive policies and practices. Procedia-Social and Be-

havioral Sciences. 2015. No 191. P. 2312–2315. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/82084345.pdf> (дата обращения 12.10.2019).

- Verd J. M., Porcel S. (2012) An Application of Qualitative Geographic Information Systems (GIS) in the Field of Urban Sociology Using ATLAS.ti: Uses and Reflections. Forum: qualitative social research, №13(2), Art. 14 May 2012. URL: <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1847/3373> (дата обращения 24.11.2019).
- Vesely A. Policy advisory system in the Republic: From state monopoly to hollowing out? Paper presented at the XXII Congress of Political Science Conference. Madrid, 2012. P.40–55.
- Watts L. S. Encyclopedia of American Folklore. New York: Facts on File, 2007.
- Zdrahat S. Conditions for the realization of the social technology of inclusive education's evaluation. URL: <https://doi.org/10.15421/171754> (дата обращения 20.10.2019).
- Zollers N., Ramanathan A., & Yu M. The relationship between school culture and inclusion: How an inclusive culture supports inclusive education. International Journal of Qualitative Studies in Education. 1999 / 2018. №12(2). P. 157–174.
- Yarskaya V. From technocracy to inclusion: change of discourses of contemporary education // CSA Sociological Abstracts ISA World Congress of Sociology in Africa. The Quality of Social Existence in a Globalising World, 2016.

АВТОРЫ

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна – доктор философских наук, директор НОРЦМИ, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Зайцев Дмитрий Викторович - доктор социологических наук, зам. директора НОРЦМИ, профессор кафедры психологии и прикладной социологии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна - ординарный профессор кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук, заведующая международной лабораторией исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ, Москва

Божок Николай Сергеевич - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник НОРЦМИ Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Гришкова (Григорьева) Светлана Анатольевна - магистрант, социолог НОРЦМИ Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Горяйнова Александра Романовна - аспирант кафедры общей социологии департамента социологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Института социальной политики НИУ ВШЭ, Москва.

Кононенко Ростислав Вадимович – кандидат социологических наук, доцент департамента социологии НИУ ВШЭ, Москва

Корогодова Наталья Петровна - магистрант, социолог НОРЦМИ Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Ручин Алексей Владимирович - кандидат социологических наук, социолог НОРЦМИ Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.

Научное издание

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Валентина Николаевна
ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна
ЗАЙЦЕВ Дмитрий Викторович
РУЧИН Алексей Владимирович
БОЖОК Николай Сергеевич
ГРИШКОВА Светлана Анатольевна
КОНОНЕНКО Ростислав Вадимович
КОРОГОДОВА Наталья Петровна
ГОРЯЙНОВА Александра Романовна

ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА
ГОРОЖАН (Нижнее Поволжье)

Компьютерная верстка – *Илона Корбелайнен*

Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ 29.12.2010 г.)

ООО «Вариант»
115093, г. Москва, ул. Б. Серпуховская, 44-19

Подписано в печать: 27.11.2019. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Сл.-печ. л. 8,4 (8,5) Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 500 экз. Заказ 64